

© НОВЫМ

ГОЛОМ!

СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 24 (902)

ДЕКАБРЬ 1964

Сергей ПОЛИКАРПОВ

ЗВУЧИТЕ, ТОСТЫ НОВОМУ!

Звучите, тосты, новому,
Звучите

За новогодним праздничным столом!..

А старый Год,
Как старенький учитель,
На вечере весплом выпуском
Взирает добро
Грустными глазами
На близких окрыляющихся птенцов.
Их путь,
Его заложенный трудами,
Велик и славен, как земля отцов.

Отмечен пост его
Высоким правом
Вершить рождение, смерть
И бытие!

Не изменил он в помпалах державе,
Не обманул доверия ее.
За трупным гулом заводских окраин
Тишь перерастял

Тропок и лыжней.
Земля,
Полет мечты твоей баскараен,
Как бесконечна жажда лирных дней.

В праздничной днюе отгадываю ступил ты!

Все тверже наши выси под крылом...!

Звучите, тосты, новому,
Звучите

За новогодним праздничным столом!

Николай СТАРШИНОВ

Загула зима,
Ветви осен снежком пригибая...
На песа, на дома
Напыла полутька голубая.

Отсверкала зря
На стволнах ослепительно рыжики...
В эту ночь декабря
Мы с тобою умчались на лыжах.

Ни путей, ни дорог,—
Без дорог мы пробьёмся сквозь тумань...
Наветит ветерок,
Закатаются луные тени.

Снег повалит густой,
Подымаю метелицу злую...
Дорогая, постой,
Я тебя на ветру расцелую.

Здесь мы только вдвоём,
Эта полночь нам кажется чудом.
Если мы запоем,
Сосны глуго ответят нам гудом.

Пусть безлюдье вокруг,
Только ветер находит волнами.
Пусть закаркает ядруг
Черный ворон, разбуженный навам.

Пусть в продрогших кустах
Все сильнее метель завывает.
Пусть все будет вот так,
Там...
Как в юности только бывает.

Владимир КОСТРОВ

НА КОЛЫМЕ

Это вечность свои проверяет часы,
Давным-давно прибор греши в отдаленье.
Это сонки хостялям, как старые псы,
Лхи чершьям, как добрые морды оленьи.

А душа, как я, по каменьям бредет
И стучит молотком о каменья,
как стаянник.

Это время судьбу человетью прядет,
это с нами в костре разговаривает
стаянник.

У крутых перекотов мы видим игру
тел торпедных,
таких золотистых под вечер.

Это страстная красная рыба икру,
умирая, на стол человетства мечет.
А в усталых глазах мельтешит—

это гнус.
И зубаст горизонт, словно волк,—
это выск.

Неразлучный попутчик с тобой —
это груз.
Собеседник безмолвный —

дорожные мысли.
Вместе с ними идем
и сидим у огня

делам тонкий кусок зачерствевшего хлеба.
А плакаты вращаются, как шестерня,
задевая зубцами за «ближние небо».

Видим женщины любимые, едва закрываем
глаза,

в одеяло свое заворачиваемся тупые,
слышим плачеве шуршанье,
и толпея

проминают
в ладонями сжатые уши.
Возле спов наших каакин стоят на часах:

В ищем небе Медведица, Лебедь и Вега.
А в душе,
в невеличии ее небесах,
нава дружба

и наши надежда и вера.
Но преруется межкомнатальные сны.
Затря выйдем к поселку

и сидем в машины.
Молодые, веселые, как пацаны,
в первый раз получившие званье мужичины.

Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ

МУЖИНЫ МОРЕЙ

Не сквозь этаким матерцизм,
А сквозь миражам матерей
Уходит ребята в мужичины,
За грядущим сныкам морей.
Не в праздных теснинах Арбата,
А в тесном кругу матерси
По злу четвертинке на брата,
А больше — им грамма тоски.
По всем иеротодным законам,
По всем опухотным стаям...
Лишь мамы пермерзли к перронам,
Их тени летят по пятам.

И луны горят, как лучины,
За спинами всех матерей.
Уходит ребята в мужичины,
В пространство миров и морей.

Что их ожидает —
Жестокоств!?!
Но нежность тогда лишь понимаешь,
Когда сквозь железную жестокость
Жестокоствей твердо проходишь.

Что их ожидает —
Тучини!
Как тех в океане.
Гляди —
Ляют на дно моря мужичина,
Морская звезда на гряди.

Норд-осты трубит похороны,
Безмолвни над мотом луна.
Все мамы покинут перроны,
Останется только океан...

А может быть, ждет нас участие,
Причале к приймаю добра.
Все страхи и мелкии страсти
Сожми в себе, мальчик, дотла!

И помни, что в мире есть ващи,
Без них ты не мужик, не герой —
Закон содружества ващий
И заповедь спайки мужской.

А это не просто досталось.
Сквозь шторыи и смерчи смертей
Придуи, отрываю усталость,
Седые мужины морей.

Нина ГРЕХОВА

СИНЯЯ ПТИЦА

Обернитесь назад,
Вам достаточно лишь обернуться.
Он совсем недалеко —
всего за минуту от нас.

Его больше ругать
нас так умоляют вернуться,
но им не спомнить
равнодушную хрупкость окна...

И сияет слеза,
как звезда,
на его борде.

И трепещет в руках его
сияна-сияна птица —
эта слава птица,
которую ищут везде...
Он сулит ее нам,
если мы его лустим к себе...

Он уже исчезает,
он расстает почти,
но не нам доверить
боится...

И не должен отдавать,
и не хмечет с собой унести.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

МЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания сорок первый
Выходит два раза в месяц

24

(902)

АПРЕЛЬ
1934

ТИШИНА

Гости были,
Гости пели,
И наперли допыана,
Гость последний хлопнул дверью,
И остался я одна,
Если близко сестя к окну,
Можно слушать тишину,
У моей настольной лампы
Столько всяческих талантов:
Много в свете мягкости
И хваляет яркости,
Дремлет елка у уголка,
Люстры тень на потолке,
Вот динамики приглушен,
Отчего так кажен он!
Он — вся музыка в квартире!
Он — политика в эфире!
Радиолу, патефон
Заменял сегодня он,
И машина не стучит,
Много дел ей предстоит,
Видно, завтра,
А сейчас
Потушу у лампы газ,
От остой ламп устал,
Вещи тоже не из стали,
Отдохнуть мы все должны,
Люди, люди!
Мне без вас
Не прожить и день,
Но час
Подарите тишину.

Николай КАРПОВ

**МЕДВЕДИ
В ЦИРКЕ**

Медведей приручают лаской,
медведей приручают медом,
медведи ласкают с олаской
и медленно лакают воду,
И лес им заменяют клеткой,
осоту — вареною коряжечкой,
в них артистизм вбавают влеткой,
добавя сахару немножко,
И вот гремит неутомимо
чужой и страшный голос меди,
и в кольце из огня и дыма,
заклидурясь, прыгают медведи,
И скоро кончится программа,
артистам раздадут конфетки,
чтобы с охотой, не упрямась,
ушли в свою ливью клетку,
И зрители домой уедут,
огни над городом погаснут,
Заснут уставшие медведи,
Пускай приснится им черника...

Людмила ЩИПАХИНА

НАША ЗЕМЛЯ

Земля! Твое рождение прекрасно!
Смотрели на тебя мы внимательно,
Когда возникла ты — светло и властно,
Матерей рожденная, как матерью.

Ее тепло текло в земные поры,
Живительно, как алчезная струя.
И завали коллоидных растворов
Затрепетали наиздрог бытия!

А громы грохотали, как литвары,
Был мир дождями звездным полнит.
И по Земле гуляют динозавры,
И царствует над всем палеолит!

О светлое явление рассудил!
Его нечуть васама и остра —
И в силеоты насильного рисунка
И в каменном величьи топора!

Собития бушуют, как метафоры,
Теперь у юлиан есть свои теорци!
И возникают грешесные амфоры,
И рушатся минские дворцы.

Земля мивет!
Земля читает Маркса.
На лбу ее взломачен чуб лыняой.
Она гудит!
И ждет сигналов с Марса,
Заучит сонатаой луной под луной,
Люблю тебя! За то, что ты краснаа!
За то, что совершилшь ты впереди,
За то, что называется Россией
Зеленый берег на твоей груди.

Танзиля ЗУМАКУЛОВА

* * *

А если друг, с которым шел ты рядом,
Вдруг возомнит, что ты не друг, а враг,
Не отвечай ему враждебным взглядом,
Предотврати непоправимый шаг.

Пусть он неправ, и пусть судил он ложно,
Ни в чем его не пробуй уличить.
Утратить друга старого не сложенно,
Как нового врага заполучить.

Перевод с балкарского
Н. ГРЕБЕНЕВА.**ВЕРТИКАЛЬ**

Человек ходил на четвереньках.
Видел мир всего на четвертину.
А из чернозема вытекали
к небу вертикали, вертикали...

Вертикально восходило солнце.
Вертикально стебельки росли.
Вертикально воспаряли сосны,
выдрали душу из земли!

Человеку стало зверски худо.
Человеку задохлось чудо.
Человек сказал себе: «Хочу!» —
и полез на небо по пучу.

Но, как почва дерево за корни,
будто первобытный лес, темны,
чертовы Ньютоновы законы
вниз его тянули за штаны.

Вверх!
И вновь —

от плоскости лишайника,
топкого, как Ватикан,—

вверх!

...С высот космического шарика
как прекрасна эта вертикаль!

И пускай порою, в чем-то слабый,
человек не устоит, бедняк,
и как кошка на четыре лапы,
будто безжалостно землю — шмял!

Даже эта слабость, верьте, канет.
Скорюно и колыхнет вобой!
Сущность человека — в вертикали.
Два крыла у звездочка во лбу!

Николай КОНЕВ

ОБЫДЕННОСТЬ

Обыденность, порою, дождь

И, проносья в машинах, видит все:
Как мячиками, шнаман играет
Промытос с усердным шоссом,
Обыденность смявают неблиным
И человек —

в разгар больших работ,
Когда в руках его перод
жар-птицы
Нам кажется обычный элиторд.
Обыденное глушат постепенно
И пьеск вьеса, и звоника строка,
И короа озвученного сьеса —
Зеленые степные облака.
С обыденностью наши связи рауствя.
С необычайным веселой живьеса.
И нашим небом звезды издьются
Немыслимо огромным тирасном.

В этот год — сороковым в истории Советского Узбекистана — я побывала в Ташкенте и Узлукбеке, поселе из-бесских физиков, в индустриальном Чирчике и на древней земле Хорезма. Было много хороших встреч. Я расскажу о них...

Встретив твою фотографию в журнале, читатель подумает: «Не знал, что у физиков бывают такие глаза». А кто-нибудь крикнет жене на кухню: «Кто-то, женщина-атомник! Иди посмотри». Жена войдет, вытирает руки о фартук, и скажет: «Наверное, нет детей». Она тебе завидует. Завидует твоей гордости, славе, знаниям.

Все думают, что ты очень сильная, такне у тебя глаза.

Но в этот вечер ты точно очень долго идешь домой по поселку Узлукбе, так долго, будто взбираешься на гору. В сумерках остроконечная туша — как задержанный в небо кулак. Тебе понятна ее скорбь: пуста. Ты трогавшь теплую кору дерева и шепчешь: «Как я устаю, тут!» И какою-то себе тоньонько-тоньонькой былнкой с огромном бесполом мире. Сейчас, после заката, в кишлаках женщины сидят на порогах своих до-

мов. На них накатывается прохлада с сонных безбрежных полей. Какое это счастье — не знать! Рокать детей, пропальвать хлопот, готовить пищу и не знать. Не знать яростного, бессонного беспокойства, прозвильного-го стуканца неудач. Женщина — это дом... Постой, а чьи же это слова? И тогда возвращается самая страшная в твоей жизни ночь.

Днем муж сказал: «Женщина — это дом. Понучилась — и хватит, скоро у нас будет сын или дочь. Зачем тебе степенить? А ты отвечаешь: «Если не можешь понять — уходи». И он ушел. А потом пришла ночь... Утром учитель, известный физик, позвал тебя в кабинет: «Я не отпущу вас домой, хотя вы ничего не видите и не слышите. Продолжайте портить свой эксперимент и подумайте о том, что слова энуката требуют всей жизни» очень жесткие, безжалостные, но, увы, до конца верные. Не пытайтесь выйти в

них лазейку: ее нет. У каждого своя мера счастья. Выбирать, что вам по плечу?

Ты выбрала. Ты стала ученым, главой большой лаборатории в Институте ядерной физики. Недаром мать назвала тебя Озод — свобода. А ты свою дочь назвала Дилькой, Дилшод — радость души. Совсем крошечной Дилька не хотела засыпать, пока не дождется с работы маму. Потом, когда подросла, спросила:

— Мама, а как ты работавешь? И ты рассказала ей о маленьких силках — нейтронах, электронах, протонах. Дилька поняла. Дети вообще очень много понимают, гораздо больше, чем думают взрослые.

Однажды Дилька пришла с прогулки и сказала:

— У нас есть мамы и папы, а у меня есть ты...

И вы долго сидели, обнявшись, молча, не загибая света.

Ты умела себя не щадить — отбрасывать слабость, горе, болезнь. Умела работать круглые сутки, по-мужски напряженно думать. Ты увидела пол-Европы, с тобой советовались, искали знакомства. Но каждый раз, когда тебе было тяжело, со дня дух выплывала та ночь... Она спрашивала: «Ты одна?» Ты отвечала: «Слушай, женщина, ты не раскисай!»

Ты долго идешь по поселку Узлукбек. Мимо знакомых садов и коттеджей. В окнах гаснет огонь, будто опадают цветы. Засыпает твои друзья:

теоретики, экспериментаторы, лаборанты. У каждого из них была своя полса неудач, но кипело, не думалось, не жилось». И ты говоришь себе: «Видишь это дерево? Тута все пушистая от нежной заботы. Несколькую дней назад... она поднималась к небу голым, корытым плем. А завтра придет люди и снова обрежут юные побеги на завтрак шестопядру. Дереву будет грустно и плохо. Но потом оно снова отрастет — для людей. И снова отдаст свои ветви. Так зачем же ты мечаешься, проклиная свою слабость? Сейчас ты не можешь решить поставленной перед собой задачи. И жизнь кажется одинокой и неудачной. Но придет зима — и мир снова расколется перед тобой, обнажая самые потаенные свои взаимосвязи. Все станет ясно, до последнего кристалла. И доведенная до предела напряженность сместится оглушительной радостью. Будешь ли ты завидовать тогда женщинам, не знающим сомнений?»

Пожилая соседка ласково говорит с веранда:

— Салат, Озод! — во твоем, черном голосе беспокойство... Что с тобой, детка?

Она не уходит в комнату и долго смотрит вслед твоему белому плечу. Ты оборачиваешься и машешь рукой: «Не тревожьтесь, апа, я счастливая! Ты не лущайся». Ты уже победила себя-свою усталость, растерянность. У тебя ясный, решительный взгляд, которому завидуют женщины, встречая твою фотографию в журнале.

Анатоль Дашков спал сонор два часа за последние двадцать дней. В эти дни пуск он был самым известным и самым виноватым человеком в республике. С ним невозможно было говорить, потому что всегда он кому-то был нужен. А если выдалась тихая минута, его глаза стекленели от сна. Тогда начинали прославившегося чеха, исплытно неся свое Большое тело, заирал от пожарника кабинет, затягивался крепкой сигаретой и смущенно похаживал: точь-точью шаховар, тайком покуривающий в уборной. Из глаз ухлынула сонная муть.

— Теперь я вас, спрашиваешь. Но посреди разговора он оглушительно шлепал по столу.

— Черты, опусь упустили таминки! И вслед за развезавшейся таинкой в окно влетало комариное гудение газа. Дашков все время слушая завед, как слушает дирижер оркестр: опусь вальторна пропустила диез, а вторая скрипка пицтит, будто ей не наступили на хвост.

Хищка плавно течет по запутанным внутренностям чеха, оборачивается то жидким аммиаком, то карбамидом, то, наконец, белоснежным гранулированным удобрением рассыпавшим белого пшени. Горе, если кто-то где-то заостерит первый поток. Астала-

тно задонуты носом, люди надепно протизваюсь, а в круглой бедние гранбиши обезумевт скребок.

Только правность, ириваяная правность! И Дашков добился правности. До пуска днавал и нечовал на монтаже; за инструкций выучил английский. Ругался. Выбывал из импортируемых куда-то зарпораставшихся письма, неслышало о столовой. Опять ругался. Просил в Совете Министров туалетную бумагу для иностранных спецнаштов, вел тонкие дипломатические беседы с субподрядчиками. Ругался.

— Не плело торгуясь, а! — не то обрадованно, не то грустно застался он, выбуя у кого-то аппараты для стандаризации. Я ведь продавцом чуть не стал. Технику закончил, да не пошло

у меня. Перекинувшись в политехнический. А теперь вот приспичило — вспоминал.

Подмосковные химиксы из Щеккина класса боится его и зовут партизаном: не могут простить всеобщий аналет. Тогда он привез с собой из далекого Чирчика бел малого полустоненую армико. Захватил на молотг городской спортзал и потребовал у ценкинского директора: «Учтите! Это возмутится!» «Ю полстони человек — это же черт знает что!» Договаривался на пятнадцать у ценкинец был пусковой период, они нерванчили, презирая горстеприимство.

«Ничего, остануся все пятьдесят», — рещил Дашков. — Бел подоглованных аппаратов чеха не пуцуй». И спрятал в карман отчаянную телеграмму

своего зама по оборудованию: «Возвращайся немедленно Чирчик трудно Константин».

Конец чех выбросил на транспортную первую горюю карбамид. Кричали гурав, лезли друг другу на плечи — посмотреть, хавтали пригоршнями. Главные инженеры, тайком совали ей в рот: какую на вкус.

Белый инженер монтажа министр Мол стоял рядом с Дашковым, напряженно шарившимся от бессонницы.

— Десять месяцев — это удивительный срок даже для вшей страны, — сказал он подошедшим корреспондентам.

Назавтра вся страна уже знала о рекорде чирчикских строителей. В те дни жителей званного Чирчика смисля карбамид. Смисля по-разному — видный, слышный, гранулированный и вовсе ни на что не похожий, но карбамид, неотступный и неотвратный карбамид.

А под горячким небом, поступающая на стачку, уже мялился вагон с белым бисером. Скорее, скорее на поля — подкормить ослабевший от вседневных жаровозов хлопок. Не биологически придушили бисером законы равновесия. Это привоз земли: взял — восполнил, чем больше взял, тем больше верни. Председатели колхозов за-

валяли Дашкова заказали: чиркинский карбамид оказался самым дешевым в Союзе.

Дашков спал в эти двадцать дней почти два часа. Остальные чатыреста тридцать восемь часов не выходил из цеха. С этажа на этаж, с противозем на бок: еще реяли, не выдерживая ритма, привередливые технологические «читки». Цех дождя аммиаком, выходящая слеза из глаз. А план уже роз, роз, принимающая цех и проектной мощности.

Тяжело пульсировал пульт — мозг цеха. Сюда по неравным ревам и проходам бежали трамвайные и радостные импульсы. Коротко взрывал, зашлетеле зеленым огнем лампочка исправленного насоса. Сутулится, на что-то злится, самописцы отдавая выпарки. И Дашков кричал в узкое горло селектора:

— Салехов, Салехов! Что у вас там? Следите за давлением пара!

Звучный бас его гулко катился по этажам, рикошета от труб и колонок.

Когда-то, услышав этот бас, профессор Семанов заточил Анатолия в институтский хор. Четыре года в группе басов на голову возвышался среди двух веселый круглолицый парень. Четыре года прорывались на студенческие концерты многочисленных спортивных болельщиков Дашкова: он был из лучших певцов раскубило. Приехал после института в Чирчик, он настоял на строительстве плавательного бассейна. Проект оказался плохим. Дашков взял отпуск и сам передал этот несчастный проект.

Так долетали до меня маленькие брызги его биографии. Сорол два часа сна. В комсомоле до тридцати двух лет. Знать, нужен цеху, нужен комсомолу. Иногда мне казалось, что и в жизни Анатолий выбрал мощный, жизнестойкий стиль — любимый свой баттерфляй.

К сорозелению Узбекистана мы вышли на проектное мощности, — во время коротенькой передовки сказал мне Дашков и посоветовал записать вот что.

Мы купили у голландской фирмы четыре карбамидных цеха чиркинский цех под Ташкентом — третий. Он смонтирован раньше двух других, и его карбамид самый дешевый. Но остался еще Лискинский. И его можно пустить еще быстрее — за счет правильной отгрузки оборудования, за счет полной его комплектности, за счет тесной связи машинистков с химиками. (Зачем повторять старые ошибки?)

— Люди, люди, их надо учить. У нас еще мало хороших специалистов. А знания невозможны без них! — задумчиво говорит он.

И вдруг, оглушительно шлепнув по столу:

— Так и знала, достукнулись — газавла проробка! Слышите? Неужели не слышите! Не слышите? Извините, но я должен идти.

Затянутый автобус с продавленными сиденьями ворвался в старую Хиву. И я закурился «дядо» в средние века, среди слухов дуэлов, базарсараяв и медресе, пустынных, сухих от яростного солнца, золотощагадочных, как любой заброшенный храм. У медресе Мухаммадмин-хана я в десятый раз столкнулся с этим мальчуганом. Он стоял у цветущего бирюзового майоникова майоникова портала, запрокинув голову, расставив длинные, черные от загара ноги в драных сандалиях. Узкие, кошачьи его зрачки ждали сплывавли неблужущие узоры. И короткой коричневый нос весь подергался от удовольствия.

Час спустя, когда я входила в прохладный полиграф Исторического музея, худенькое заргорелое тело неровно скользило передо мной. Наверное, без билета.

— Салам, усто Абдулла! — как взрослый, сказал мальчишка в темноту.

И я, опомнившись от белого солнца, увидела старого большезлазого человека. Это кто? Это медленно писал у стола — справа налево, красивой арабской вязью. Очевидно, историю: он помнит трех ханов.

А мальчуган уже крутился по залу, морща на стеньки потешной нос. Ужардой трогал рукой струю, как лилия, колонну. Она окордовала его: чем было раньше это точеное чудо — грушей, теймистым караганом, старым, разлетавшим орехом!

— Ата! — забвисьши, кричит он и сам пугается своей смелости. — Что это, ата? Кто это делает?

— Иди сюда, — говорит старый мастер. — Ничего, иди. Я покажу тебе хивинский узор. Иди сюда, садись... Он раскрывает маленький альбом и проглатывает мальчишку.

— Ага, скажите, кто это мог? Кто это мог?

Если человек не поет, он пишет музыку, если он не знает нот, он высекает свою музыку в камне. Слышите невнятную жалобу дутаров? Это поют кружавшиеся павандары у оков, высокие, как тополя, колонны, летучие резные потолки.

Маленький мальчик Абдулла слышал по вечерам, как поют минареты Хивы и ищущиеся на алмазах дутаров, как тяжелые головки цветов. Старик

сказали его отцу, красильщику ткающей: «Юдэй сын мастеру Ишмухаммеду отдал Ишмухаммеду Худайбердиеву был большой мастер, и он знал, что камень поет не для всех».

Он взял маленького Абдуллу в Хиву и потом разрешил ему рядом с собой украсить медресе Ислам-Ходжа. Абдулла отивал спорнине с небом лазурные плитки и рисовал узоры для стен и потолков. Садясь на расставот стол, он разврал мелодии, которые любил давно умершие мастера, и видел, что им бывало весело, и они любили девушек, и им тогда чудились за темными чашавыми прелестными глазами Ширин. А иногда Абдулла плакал, глядя на тонкую вязь старинного орнамента, потому что видел, что мастеру было очень грустно, когда он рисовал свой узор. Тогда Абдулла выходил на площадь и подползу смотрел на лазурную майоник с белым, как облака, цветами и думал о великих мастерах, имя которых уже не помнит никто. Потом он шел в степь, тизку и бесконечную, и рвал колючую траву, заподлажив цветявистые стебли хлопка. Он понимал, что узоры Хивы будут жить всегда, потому что всегда будут раскрываться по вечерам коробочки хлопка и кандуку весту на землях будет выцветать трава. Успокоившись, Абдулла возвращался в мастерскую и начинал рисовать.

Он рисовал тонким, упрутине спиралью — солнечные стебли. На стеблях дрожали от росы тугие бутоны и зарогались белым огнем коробочки хлопка. Он рисовал, не отрывая руки, потому что только художник знает, как бесконечна, кругла и востуца в мире красота. И линии плелись, пересекаясь, завивались вьисы по стройным квадратам старинной — геометрической узор — обвивали его холодные грани, как огов старик икитки. А то вдруг по синей, как апрельское небо, майонике неслись, неслись голубиной стей крупнее полудне цветы. Он рисовал так много, что по ночам болела рука. И во сне нежной жалобой дутаров звенели прозрачные от хрупкости медальоны. И он приспывался, чтобы назвать медальоны гроздью и создать розетку, прекраснее которой не было в Хиве.

Слова о старом наикше — оныснеть узор — будле Балтаева разнеслась по всему Узбекистану. Оныснеть

большие мастера — резчики по мрамору, дереву, гану просили Усто Абдуллу придумать для них узор. И он радовал всех и был неистощим, потому что некто знала Хорезма, родоначица тысячи трав и цветов. Он украл дома людей, колхозные клубы, дворян. Колонну, вырезанную по рисункам Абдуллы, возили на выставку в Париж. Строй знаменитый театр Навои, архитектор Шухес пригласил семь лучших наикше республик. Усто Балтаев был среди этих савки. И он спел одну из лучших своих песен. Если будете когда-нибудь в театре Навои, отыщите Хивинский зал — не в антракте, а прямо среди действия, когда тихо и никого нет. И зал напоет вам любимые мелодии старого мастера. И вы узнаете в них суровый, богатый и пустынный Хивези, узнаете его великие трагедии и победы и еще узнаете могучую силу искусства, способного рассказывать все это на понятном для веков языке.

Абдулла-ата совсем не знал эстетики: он набросал узоры для всех резных дверей театра и его внешней отделки. А вскоре стал украшать и театр Мукими. И узор никогда не повторялся, потому что земля ведь не производит вышивальщиц, а вышивальщицы — не мастера.

Я смотрю на заветные узоры в альбоме Балтаева и пытаюсь связать их с книжной премудростью: «Коремаски» узор отличается исключительной сложностью, нем преобладают условно-растительный орнамент. Гораздо реже встречается геометрический узор, так называемый гириш. Здесь мне нравятся только одно слово — «гириш». И я почему-то с удовольствием вспоминаю, что узоры для майониковой росписи называются кашинкули, а для раздза по мрамору — марварули.

— Ата! — вдруг резко раздается под сводами музея. — Ата, нарисуйте что-нибудь еще!

Мальчуган скользит заргорелым, но совсем смилым пальцем по бесконечной спирале рисунка, и смери головокружения отражается в его расплывчатых глазах. Кандулла-ата! Не выдержит напора обрушившихся впечатлений. И он действительно выскакивает на улицу, крикнув уже с залиптого солнца дворянка:

— Хораман! ата! Не устаете, отец! Я еще приеду...

— Мальчик будет хороший наикше, — с трудом подбирая русские слова, говорит Кандулла-ата. Только сейчас мало заказов, люди торопятся жить...

По дороге на автобус я снова увидела маленького наикше. Он стоял, расставив ноги и запрокинув голову, под сводами пустынного двorca.

Смотри, мальчуган, смотри. Пройдет еще десятков-аруш лет, и человек, создавший узор, будет мертвым. Смотри, мальчуган, смотри! Тогда людям очень понадобятся твои удивительные гизы.

Ташкент — Чирчик — Хива.

Фото В. ТЮККЕЛЯ

ЭЛЕКТРИЧКА УХОДИТ В 640

В воскресенье, в шесть утра, меня разбудил приятель.

— Вставай, ленивец! — кричал он, стегивал с меня одеяло. — Спать в такое утро — чужовишское преступление. Дед Мороз и Снегурочка приглашают тебя на лыжную прогулку!

— Ты с ума сошел! Кто тебе позволит врываться! И вообще это невозможно. У меня нет ни лыж, ни ботинок...

— Все предусмотрено. Вот тебе ботинки, лыжи получишь на месте. Скорее, мы опоздаем на электричку в 6.40.

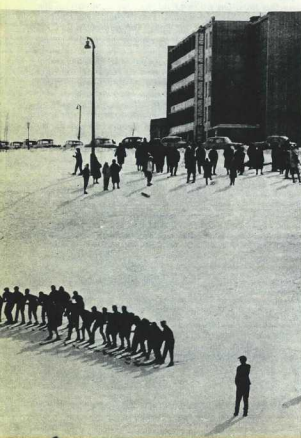
В общем, сопротивляться было бесполезно. Крихта и чертыхался, я оделся, натянул ботинки, связанные казенно введённым жиром, и, пошатываясь от недосмотренных снов, вышел на улицу.

Мы с трудом втиснулись в автобус, заполненный в основном палками, лыжами и рюкзаками, а у вокзала нас встретила толпа, осамдавшая билетные кассы.

— По-моему, мы опоздали, — радостно сказал я. — Всего хорошего, заходи вечером...

— Да кого ты меня принимаешь! Нас ждут в четвертом вагоне.

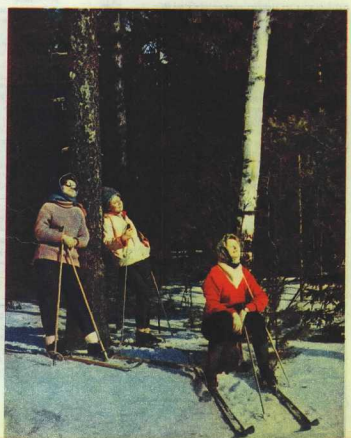
Можете себе представить, с какими веселыми востриками мое появление наши ребята. Всю дорогу меня учили правилам пользования лыжами и объясняли, как спускаться с крутых гор.

...Оназывается, это просто здорово — проматываться на лыжах по тихому зимнему лесу. Лыжи свои осыпают лицо и руки искрищейся белой пылью, снег под ногами покрустуывает, нетерпеливо подталкивая тебя вперед, туда, где в просвете редколлея проглядывается поляна, залитая красноватым декабрьским солнцем. А воздух! От него пылеешь, его хочется глотать еще и еще, а рука, полезшая было в карман за сигаретами, с отвращением оттаптывает их; нахвост кощунством отравляет такой воздух силой табачным дымом.

Дома мы вернулись поздно. Догорали уличные огни, дворники безуспешно воевали с тихо подиравшейся метелью, а в рощице около нашего квартала доважные хованки зазначивали свой трудовой день лыжными крестами.

— Теперь я сам бузу по воскресеньям заставляю пектвев. Если нужно, могу поднять лыжи утром и кого-нибудь из вас. Впрочем, вы ведь и сами отлично знаете, какая это замечательная штука — лыжи. До встречи в четвертом вагоне электрички, отправляющейся в 6.40.

В. ЖИЛЬЦОВ

ЭТО БЫЛО В ОДЕССЕ

«...Не может быть, чтобы не отозвались люди, лично знавшие Владимира Молодцова и его боевых друзей...»

«Дорога и значима каждая, даже самая мелочайшая подробность героической эпопеи борьбы против оккупантов в подполье Одессы...»

Это строчки из многочисленных писем, которые продолжали поступать в редакцию после опубликования материалов об отряде советского чекиста Владимира Молодцова-Бабаева.

Сезона мы предоставляем слово полковнику запаса Павлу Степановичу Няяшенко. Сейчас П. С. Няяшенко — журналист, сотрудник «Литературной газеты».

Шла весна 1944 года. Советская Армия подошла к Одессе. Фашисты все еще цеплялись за прибрежные скалы и пригородные села.

На рассвете 10 апреля заговорила наша артиллерия, бойцы форсировали Куяльницкий лиман. Пространки был выбит из города. А на следующий день в отдаленной разведки пришла Евдокия Георгиевна Миквиевич. Она передала бутылку, в которой хранился записка партизана Ивана Петренко.

«Я боролся в отряде Бабаева», — писал партизан. — Придет время, и за нашу смерть ответят сады. Мухом, любимая, последнее желание мое и просьба: устрашай свою жизнь так, как тебе лучше, но помни о детях — о Воложке и Юрке. И к тебе, Волочка, последняя просьба: будь непримиримой, безжалостной к тем, кто против Советской власти и партиям. Это враги мои, а стало быть, и твои, и, как старший, будь примером для Юрки. Будьте верны своему народу, а если нужно будет отдать жизнь, отдайте ее, как отдав вы это. Целую крепко, крепко, ваши папса, Иван Петренко. Одесса. Тюрьма. Камера 84, этаж 4».

РЫСОВАНИЕ

- ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСКА ПАРТИЗАНА ПЕТРЕНКО
- Я ЗНАЛ МОЛОДЦОВА
- В ПОДПОЛЬЕ ПОЙДЕШЬ? НЕ СПЕШИ ОТВЕЧАТЬ...
- Письма из-за решетки
- ГЛАЗАМИ ВРАГА. СЛЕДОВАТЕЛИ СИГУРАНЦЫ О МОЛОДЦОВЕ И ЕГО СОРАТНИКАХ

На запрос, посланный в Москву, пришла срочный ответ: Бабаев — это Владимир Александрович Молодцов...

Волода!.. Комсомольцами мы вместе работали в Подмосковном угольном бассейне. Кто не знал в тридцатые годы знающего забойщика Подмосковья Волода Молодцова, первого организатора производственно-бытовой коммуны!..

Лишь спустя три года после начала войны в освобожденной Одессе я узнал подробности трагической судьбы Молодцова и мужественных советских людей, борющихся с ним в тылу врага.

Ко мне попали дневники, фотографии, партизанские письма. Они вместе с рассказами очевидцев, которые довелось мне услышать, раскрывали многие эпизоды борьбы одесских подпольщиков.

«Одесса — на линии фронта. Во всех районах организованы отряды для борьбы с фашистскими десантниками. Вступали в них добровольцы. И все, кто записывался, давали клятву быть до конца преданными Родине. Как воин, клятву дал и ученик девятого класса Яша Гордиенко.

Однажды Молодцов зашел на квартиру Яши. Сидели, разговаривали о последних событиях. Пристыдно глядя на Яшу, Молодцов спросил: «В подполье пойдешь? Не спеши отвечать, хорошенько подумай. Работа опасная.»

Так Яша Гордиенко стал в отряде Молодцова одним из лучших разведчиков и руководителей молодежной разведывательно-диверсионной группы. Он всюду бывал, узнавал много сведений о расположении вражеских войск, автовлака в партизанскую борьбу надежных товарищей, выявлял предателей.

Несколько дней велось тщательное наблюдение за местным жителем Садовым. И вот Молодцов доложил: Садовый связан с жандармерией, он предатель.

Грозно хмурясь Яша, слушая Молодцова, советский передал ему решение военного комитета партизанского подполья о казни предателя. А спустя некоторое время гранул выстрел на Южную улицу...

Яша был настроен категорично. Он до последней минуты не опускал рук. Об этом говорят и письма, которые ему удалось после ареста передать на волю. Вот они:

«Дорогие родители! Исполнил ровно месяц со дня заточения приговора. Мой срок истекает, и

я, может быть, не доживу до следующего перевода. Эти сволочи отлично знают, что я собой представляю, это благодаря провокатору «Старику» (предатель Бойко-Федорович П. И.). Я вам уже писал, как и что надо сделать. На свидании я вел себя спокойно, мне дали очную ставку с провокатором.

Он меня продал. Я отнекивался. Меня повелибить. Были трижды на провокации 4—5 часов. Были решетки, тонкой проволокой, грабонной палкой. Были шоломом по венам. У меня остались следы на ногах и руках. Я стал плохо слышать. Конечно, в гестапо знали, что я был командиром молодежной группы. Тех, кого знал «Старик» — Алешу и Шурка, — арестовали, а кто был в моей группе, гуляют на воле. Никакие выкрики не вырвали их фамилий. Мы собирались возвращать дом на площади Красной Армии; здесь был фашисты. Но поменяла «Старик». Эта собака меня багавал. Он дрожал передо мной, поэтому всегда заискивал. Он знал, что у меня не дронет рука. Жаль, что я не успел по-настоящему развернуться. Я не хотел подавать прошение о помиловании, но Бабаев приказал писать. У меня свои планы. Пришлось покориться. Мы рассчитывали на побег. Но нас предали. Сейчас нет возможности бежать, а времени осталось очень мало.

Вы не умирайте! Я желаю, что не успел обещать вас материально. Но Шурка, друг мой, покаялся, что если он будет на воле, то не оставит вас в беде. Можете быть уверены, что он будет на свободе. Наше дело все равно победит...

У меня к вам просьба. Там, где вы достали деньги, на полке, в ящике, в левом углу, есть цианитный карандаш. В бумажке. Будьте осторожны. Достаточно его брызганной содовой, и человек будет мертв. Когда найдете, возьмите бумажкой и передайте в провокатору или бутылочку и передайте мне. Вы поймите, если бы я хотел покончить с собой, я бы перерезал себе вены или повесился, но мне и моя новая товарищам по камере, комсомольца Пете Волокову, Сергею Валюкову и Мите Шагову, да потребуются в ту минуту, когда нас перед расстрелом сажут и начнут снова и снова извещать... Вот в эту минуту мы и отравим себя. Замыслил вас всем светом и добрым вам, не откажите нам в этой просьбе. Я не боюсь смерти! Я умру, как подобает патриотом Родины! Прощайте, дорогие! Прощу только не забывать про нас и отомстить провокатору.

Передать привет Целую всех крепко, но падайте духом! Крепитесь! Привет всем родным и друзьям. Победа будет за нами.

УЧЕБНИК

«Нина, не показывайте этого письма батьке и маме. Это только для Лиды и тети Домны. Запишите это в тетрадь, испеките хлеб и на свидании передайте мне в руки. Присыпьте самоном, можно даже мятр. Он пригодится для дела...»

«Нина, это только для Лиды. Достаньте на торных флику (мож такко). Запишите ее в тетрадь, испеките хлеб и на свидании передайте мне в руки. Присыпьте самоном, можно даже мятр. Он пригодится для дела...»

«Не горюйте и не плачьте. Если буду жив — хорошо, а если нет, то что поделаешь. Все равно наша возьмет.»

«Как смотрят в городе на расстрел 21 человека? Что вообще слышно? Мы готовились расоружить охрану тюрьмы, побег был уже почти готов, но в последний момент напелся негодяй, который выдал товарищей. Не унывайте. Янаш.»

Последнее письмо!

«Здраствуйте, дорогие! Не горюйте и не плачьте, нас казнят, что поделаешь? Восстане сорвало. Но все равно наша возьмет. В червер добейте свидания, пусть обязательно придет Лиды. Только с книгой. Теперь наша запрещают смотреть в окош...»

...Поворачивается казнь, надзиратель зачитывает очередной список смертников. Один за другим поднимаются приговоренные.

Встан и Владимир Молодцов. Обвел взглядом друзей. Обнял Яшу. Пошелозов в губы — крепко, по-мужски. Помаз руки товарищам по камере.

Недалеко от тюремных ворот притаялся сестрина Нина. Она держала узелок с оружием. Быть может, ей удастся передать его брату. Нет! Руку последняя надежда, смертника колонок сиринка усмиренная охрана.

До Стрельбицкого поля, где фашисты обычно казнили советских людей, партизаны шли молча, тесно прижавшись друг к другу. Притихшие улицы словно прислушивались к настроенному шагу обреченных. Но вдруг, когда колонна поравнялась со Стрельбицким полем, высокий мальчишеский голос зашел:

— Смело, товарищи, в ногу...
Заступал попутчик, раздался автоматный очереди. Все стихло...

П. ИЛЬШЕНО

Яша ГОРДИЕННО

К сожалению, ограниченная журнальная площадь не позволяет так широко и полно осветить подробности работы отряда Владимира Молодцова, как бы этого хотелось нам и многим нашим читателям. Нет сомнения, что эти подробности не будут утеряны для будущего. Читатели смогут найти многое из того, что не вошло в публикации «Смелый», в книге воспоминаний Галины Павловны Марцишиной, над второй частью которой она сейчас работает, в книге Павла Степановича Ильшенюко, в художественных произведениях, которые, безусловно, будут написаны. В заключение нашего рассказа о мужестве советского чекиста и его товарищей по борьбе приведем некоторые документы из архивов сигуранцы, хранящиеся в одесском областном управлении КГБ.

* * *

...Эта организация состояла из десятка катаном, протунувших на сестрин километров, с другими организациями, поэтому легко представить, кака еще огромная нелинейнодивизионная организация нахдится в распоряжении Бадава, оснащенная всем современным оборудованием и вооружением, которая представляет большую опасность и постоянную угрозу властям и населению. Тем, например, после ареста Бадава и его двух связников было установлено наблюдение за выходом из катаном, после этого партизаны стали пользоваться другими выходами в целях получения информации и продуктов питания. Несколько раз они выходили сильно вооруженными, а затем вновь исчезали в катаномках. На днях были выявлены другие выходы из катаном близ Кульнички, через которые сбавались спрятанные оружие и партизаны. Утром 7 мая была предпринята попытка вернуть один выход, где наверняка существовали склады оружия и боеприпасов, но при этом следственные органы были встречены сильным огнем из-под земли...

...Агентура Владимира Бадава в Одессе охватывала все слои населения по социальной и профессиональной принадлежности. ...Милан Николай (ул. Полцейская, д. 35), начавший десетим, связник и осведомитель организации. Сообщая сведения о военном положении в городе, вербовал в организацию новых членов и распределял между ними обязанности. После падения Одессы был помещен в лагерь подозрительных, но затем был освобожден. Являлся активным партизаном, получил непосредственно от Бадава указание отыграть в городе париком и расстрелять на ул. Тираспольской, которая долина была бы использована в качестве неприступной защиты. Милан Николай. Вместе с Бадаевым принес и одному неизвестному армявчуту, два ящика гранат. В случаях наступления большевистских войск он должен был действовать в тылу румынских частей. Такое по заданию Бадава и его оппонисини целили он должен был выезжать в Киев.

...Бунюков Изан (ул. Переносной победы, д. 16), партизан и связник организации. Будучи по профессии извозчиком, получил от организации лошадей и повозку, перевезла на Большой Фонтан оружие, боеприпасы и продукты питания для своей организации. В сарае около своего дома зарыл 2 ящика гранат. Кроме этого, Бунюков получил задание информировать Бадава о грозила организации опасности, поскольку никто не подозревал, что он является партизаном.

...Булавина Ксения (ул. Паченно, д. 4), партизанка и удерживательница начальника организации и его агенты, братья Гордиенко Якова и Гордиенко Алексея. По месту ее жительства Шинин Григорий зарыл следующие оружие: 25 винтовок, 5 ящиков патронов, 4 ящика взрывчатых...

...Шевченко Николай, активный партизан организации, сам создал десетим, которой Бадав лично дал задание совершать террористические акты... Доверенное лицо Бадава, с которым он поддерживал непосредственную связь... Во время следствия поочинил жизнь самоубийством, приняв яд. Этот человек мог бы внести много ясности в данное дело, он собрал сведения о командовании и о румынских частях, например, о зенитной артиллерии... о складе с горючим около спиритного завода...

...Особенно необходимо отметить тот тревожный факт, что агента Бадава завербовала из числа тех лиц, на которых наши власти возлагали надежды в деле преобразования моральной, культурной и экономической жизни города...

...Благодаря этой агентуре Бадав мог сообщать в Одессу точные сведения о дислокации войск в городе Одессе и области, о передвижении тыловой артиллерии, о местах в городе, где построены баррикады на случай защиты города, об экономическом положении, настроении населения, о руководителях местных властей, сведения на которых запрашивала Москва, а также для организации покушения на них...

...В результате получаемых от этих, а также от других, еще не установленных лиц, сведения Бадав был постоянно в курсе всех событий, о чем сообщал по телефону в Москву. Он прекрасно знал об обороне, экономике города, настроении населения, а также о всех руководителях, которых мог в любое время уничтожить. Из всех раскрытых до настоящего времени организаций эта является единственной, которая полностью выполнила своей программы. Это вполне объяснимо, если мы примем во внимание личность самого Бадава, а также неслучайность связей киевскими организациями. Он почти уверен, что Москва организует еще организации и возлагать шпионскую и террористическую деятельность по всей Украине...

Эти документы не нуждаются в пространном комментарии. Они лишний раз подчеркивают, в каком положении страна держала «хозяев» города одесские подпольщики, возглавляемые Героном Советского Союза бесстрашным чекистом Владимиром Молодцовым.

В. ЛЕВАШОВ

Владимир АМЛИНСКИЙ

СУЛТАН-САИДЖАР

из «ТУРМЕНСКОЙ ТЕТРАДИ»

Профессор

По дороге из Байрам-Али профессор решил свернуть к Султан-Саиджару. Он давно собирался посмотреть, что же происходит с Султаном-Саиджаром, но все откладывал это... Ему рассказывали, что реставраторы работают медленно и небрежно, что они «отстраивают» древний памятник заново, что они всаживают в древние, сожженные солнечными ветрами плитки новехонкий кирпич, что они придерживаются прозоций, именно придерживаются, а не соблюдают строжайшие и тончайшие пропорции архитектора Мухаммеда.

Профессор слушал; его румяное большое лицо бледнело, голубые глаза становились бесцветными, узкими, и он ругался яростно, затаенно, ни в чем не уступая по словарному запасу своему пошеру Мите. Человек необаянно, почти даже до утомительности тщательный, он остро ненавидел халтурщиков всех мастей и ремесел и яростно преследовал их, отнимая у них последний кусок хлеба.

А сейчас его ярость удивлялась тем, что сюда, на землю древнего Мерва, вывели несколько крупных индийских историков и археологов. Они должны были перебрать тысячи и тысячи километров, чтобы посмотреть знаменитый мавзолей Султан-Саиджар. Профессор знал, что индусы помянут свою старину и свято берегут свои памятники.

Он все откладывал эту поездку, а сегодня наконец решил и поехал. Он устал, у него болела голова, которая в последнее время адут стала не выдерживать солнца. Он носил на раскопках тропической американской шлем и зонтик, и все-таки вечерами голова начинала кружиться, странно, как бы приглушенно, болела. Песок неожиданно теплый и светил перед ним, будто он все время то надевал, то снимал темные очки.

Ему было 70 лет.

Никто не понимал, что ему 70 лет.

Они (ученики, сотрудники, рабочие, аспиранты, обслуживающий персонал) знали, что ему семьдесят. Знали, но не помнили этого.

Потому что он раньше всех в экспедиции вставал. Потому что он сидел за рабочим столом по 8—9 часов и не выказывал никакого интереса к отдыху и пище. Потому что по всем важным и противоречивым вопросам (в том числе бытовым и хозяйственным) в конце колдов он выслужидан был обращается к нему. Потому что из них всех, молодых, современных и хватких, он один умел договориться с мест-

ными властями и вытребовать для своей экспедиции все, что было возможно (главным образом транспорт и помещения).

И они не знали, что он не встает раньше всех, а просто не спит. Что он сидит, не вставая, за письменным столом из-за того, что любой перерыв может на целый день вынести его из рабочего состояния, старый мотор нельзя глушить не вовремя, потом он должен слишком долго разогреться. Что его ставшая легендарной придирчивая и даже мелочная точность стоила ему чудовищных усилий, ибо в сущности своей он был человеком порывистым и даже кое-в чем разброванным. (Но эту разброанность и порывистость он укрощал в себе как опытный дессировщик, с юности — много лет — каждый день, и вот сейчас эти трудные зверьки утихли, садлись, привыкли к вышней хозяйской воле и уже не мешают ему).

Что подход и разговоры с хозяйственниками и прочими начальниками дались ему не сразу, так же как и общительность, и шутки, и умение уловить практических и суховатых работников какими-то фантастическими и давлеными от искушенных задач интересами, обращениями ступью к прошлому — к черепкам, старым, никому не нужным развалинам, к полустгнившим скелетам вымерших, древних, никому не нужных лошадей, к ярким, безобразным амфорам, ко всяким мешающим нормальному автомобильному движению в пустыне полустгнившим камням, торчащим черт-те где...

Что ни шлем, ни зонтик не могут спасти белую, большую голову от страшной, то вспыхивающей, то гаснущей головной боли. Что эта голова каждый год выпитвует все большую, все нарастающую дозу усталости, оседающую в мозг, как пыль, каждый день, каждый месяц.

Они не понимали, что ему семьдесят (не шестьдесят пять, даже не шестьдесят восемь — семь-десят лет).

Может быть, они были слепы, эгоистичны, не берегли его? Нет, они заботились о нем, пытались создать ему лучшие, чем другим, условия, в трудных полевых условиях готовили ему специальность, отдельную от всех еду (которую он почти никогда не ел, как как питался в поле на общего котла). Они спорили с ним, но всегда прислушались к нему, обижались, злились, иногда просто изнемогали от его пунктуальности, от его постоянного, почти незлыгого внимания к каждому их шагу, но любили, как никого другого. Одного только не понимали: что ему 70 лет. А как это было понять, если он целый день не уходил с раскопок, а вечерами вел свои записи, без конца продолжал работу по парфянским ригонам (получившую известность во многих странах),

Вот уже и велик человек, и уже мотыли этого архитектора не равняются, да и фамилию его забыли, знают только, что звать его Мухаммед, а на матинок стоит, человека, значит, и в помине нет, а то, что он придулмай и совершил, над тем старался, не гибнет.

Эта мысль приободрила мальчишка, и он решил, что ему надо будет тоже что-нибудь такое сделать. Но он еще точно не знал, что это надо было обдумать.

На другой день он пошел к мавзолею. С тех пор он стал бывать там очень часто.

И сегодня пешком прямо на кладбище он отправился туда. Мавзолей реставрировали, входу был набросан кирпич, торчали какие-то деревья, сторожа не было, реставраторов — тоже: они работали чуть ли не раз в неделю и приезжали сюда из города Мары. Мальчик шел на песок, закурил: он иногда курил, покупал себе мажоричные сигареты.

Археологи сегодня не работали здесь, мальчик был одним совершенно. Он видел, что археолог лет, но такое одиночество ему тоже нравилось. Ему нравилось или монотонно, или одиночество. Он не любил сидеть с кем-нибудь вдвоем и вести беседы. Он не знал, о чем говорить. Он не мог говорить, например, об археологии, или о профессоре, или о Султан-Санджаре. Это было внутри него — чем-то неопределенным, трудно передаваемым. А он мог говорить только о фактах: учусь там-то, работаю там-то, живу там-то.

Обоим он был крайне молчалив. И ему нравилось молчанье пустыни. Здесь он мог думать о своих родителях, о том, какие они были, как жили. Он их не помнил совершенно, иногда ему казалось, что он их помнит — их жесты, расплывшиеся очертания лиц, звуки голосов. Но потом это исчезало, как обгоревший сон: ни забыть, ни вспомнить. Тосковал он о них? Да нет, чего ж тосковать, если он их не знал, не помнил. Только иногда он думал с печалью и странной разраженностью: «Почему я родился в этом городе, когда есть тысячи других городов, где люди никогда не гибнут от своей земли?» И он не любил этот город, хотя знал, что Ашхабад остроен уже и красив, ему не хотелось там бывать.

Он выкурил сигарету, бросил ее, вошел внутрь мавзолея, постоял над гробницей, послушал, как туго и протяжно кричат птицы. Сегодня они кричат громче, чем обычно, — может быть, пустыня ждала дождя. Ему стало тревожно и весело от этого крика, оттого, что завтра, может быть, будет дождь. Завтра воскресенье, и он пойдет к знакомым чабанам, будет есть дыню и пить холодный чай — верблюдье молоко, пасти отару на высоте вместе со своим приятелем Муралом.

Птицы кричат несстерно громко, купол улавливал их голоса, и мальчик крикнул, пугая птиц. Его крик, как распорный воздушный шарик, чуть влетел вверх и бесшумно упал здесь, внизу; звук был слаб, не-

мошен, там, наверху, — почти всеоснен. Мальчишка ахотелось вверх, к куполу, к сплетению серых, замесных и полумраке конструкций. Ему хотелось туда всегда, когда он приходил к Султан-Санджару, но то работала реставраторы, но он боялся и, взобравшись на первый пролет, возвращался вниз.

А сейчас ему страшно ахотелось вверх, он чувствовал легкость, и силу, и острое любознательство к высоте. И он полез вверх ловко, быстро, спокойно, у него хорошо было развито чувство равновесия, на уроках физкультуры он лучше всех ходил по перекладинам.

Движение захватывало с каждым метром, с каждым новым переколом ступень, с каждой новой полустаринной лестницей, вышней между небом и землей. И с каждым метром движения его автоматически становилось увереннее, осмотрительнее, трезвее. Он чувствовал это и радовался этому. Он думал: «Может быть, сплутается, зачем мне вершина Султан-Санджара, чего я там увижу?». Но высота теперь уже была не страшно, ни, как того не сознавая, он шлз вперед к цели, уже не умея свернуть с пути.

«Пора назад, — говорил он себе, — еще разобьюсь, как дурочек». Шлз спрыгнул на него, она смеялась, превратилась в комки, была легкая, как глина. Птицы гаджили уже радио, близко над головой, а внизу крошечный квадратный серла гробница Султан-Санджара.

Теперь он был почти на вершине, он остановился, плонул вниз, засмеялся и тихо сказал:

— Все.

Тонкое возглас прозвучал низко и мощно, точно он проназле его короткое слово, а чь-то дуэнья, страшная глотка.

— Высот! — закричал мальчик.

— Ата-а... — подхватили стены.

— Ата-а... — гремяла купол.

Ата-а... — гудел молчаливый, обалдевший от дерзкого неслыханного грохота Султан-Санджар.

Мальчишка поправилось, он бросил в эту глотку, под это невидимый усилитель все новые и новые слова. Ему не хотелось молчать, он узнавал радость голоса, радость звука, принадлежность чего-то себе. Наконец он выбрался на самый верх, он овал купола.

Он посмотрел вниз не сразу, обождал, чтобы не окружились голова, стерев пол со щек и лба, посмотрел сначала как бы вполглаза, а потом стал смотреть прямо, с напряжением, с радостью и влился пустыню так, как будто бы никогда до этого не видел ее. Она походила на огромную сматую кошку, желтого ярко, далеко. В пустыне было много воздуха, и сверху было странно, что там, внизу, тяжело дышать. Теплый, мягкий ветер проходил над барханами легко, овалал их несильно, почти никак, как ветер.

Мальчик бросил вниз камешек. Камешек летел долго, пероворачивался, точно крошечный парашют. Мальчик с озорством подумал о том, что и он мог бы вот так же лететь вниз, пероворачиваясь, как парашют, упасть в мягкой теплой песок и не равбиться. Но он был достаточно осторожен, достаточно мудро, чтобы сделать хотя бы одно лишнее движение. Сердце его замедлено, а мозг работал четко и деловито. Он знал, что вниз будет лететь опаснее и гораздо труднее, но не жалел, что подышал, и был уверен в себе. Он надеялся на Султан-Санджара, Султан-Санджар не должен был подвести его.

Вдруг он услышал внизу легкий шелестевые. Подходила машина. Из нее вышел человек, маленький, шагающий сердито, быстро... Человек шел, не глядя вперед себя, чуть избычив голову, шагал прямо на Султан-Санджара, затем остановился на пошатке, как копюпный, поднял лицо и посмотрел вверх.

Мальчик узнал профессора. Фигура эта была знакома мальчишке почти так, как если бы его была фигура отца. Он даже ощутил запах, связанный в его представлении с профессором: запах фритры, одолена «Звезда», детского мыла. Чуть поодаль темнела фигура шопера. У мальчишка все залыло внутри от желания быть замеченным профессором, быть замеченным не на секунду, а надолго, может быть, навсегда.

Профессор стоял внизу, задрав большую свядую голову, смотрел с изумлением и, как казалось мальчишке, с недоверием. Мальчик отпрыгнул от края купола, он испустил этого недоверия, он вдруг подумал, что теперь профессор не станет его пускать к археологам, что все это было глупостью, что больше он не увидит профессора на-за своей дурной затеи.

Отступая, он видел, как профессор махнул ему рукой, приказывая не двигаться, услышал его голос, слабый, как бы выдохший.

Еще отчетливее он слышал голос шопера:

— Какого... черта... забрался... куда... понесло?..

Это кричал профер Мята, он тоже сердился. Раньше они его не замечали, теперь они сердялись. Потом он снова отчетливее услышал голос профессора:

— Вызовем... Снимем... — кричал профессор.

— Не надо! Я сам, — испуганно и радостно крикнул мальчик, считаясь тем, что если профессор и сердится, то не очень, что профессор заболел о нем.

— Я его раз тут застал! — кричал он. — Только подождите!

— Ждем! — крикнула профессор, сложив руки руном. — Только не разбега!

— Не разобьюсь, — отвечал мальчик и добавлял почти шепотом: — Только подождите, еще несколько минут подождите, еще несколько минут подождите, и все будет в порядке, все будет в порядке...

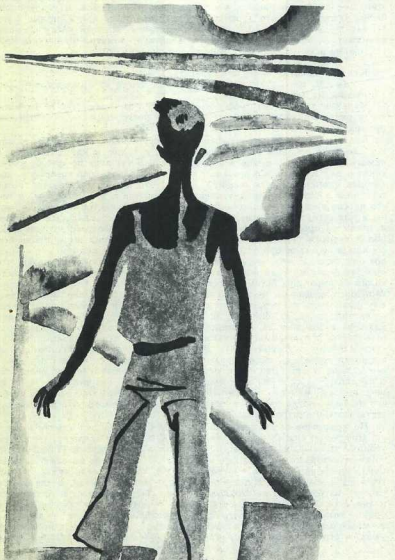
Так они кричали друг другу и волновались, а Султан-Санджар равнодушно молчал, потому что крик шел не вниз, не в своды, а мимо — в воздух. Ему было все равно, он видел тут всяких людей: мальчишек, и профессоров, и музавинов, и реставраторов. Даже Омара Хайма он видел здесь.

Омар Хайм появлялся здесь частенько, он служил астрономом у Султан-Санджара. Султан не интересовался поэзией.

Поэзией Хайм занимался внешнепотно.

Давно это было.

Рисунки В. ЮДИНА

Так выглядят в телескопы марсианские «каналы», чья тайна волнует уже почти столетие.

Д. БЫЛЕНКИН

Марсианские каналы. Паутина геометрически правильных линий покрывает чужую планету. В бесконечной дали среди холодных и красных песков Марса мы видим...

Но что мы видим? Кто твердо может сказать, насколько происхождение этих линий — результат чужего разума? Или, может быть, это полосы растительности, или канавы другого явления природы? Кто найдет ответ на давнее загадку, удаленную от нас на много десятков миллионов километров? Могут быть одни лишь гипотезы и предположения.

Но вместе с тем у нас есть и преимущества: мы видим Марс издали. Мы различаем на его поверхности лишь самое общее, самое броское. Это и есть «каналы». Они выделяются так резко, что выделаются так резко, что поверхность однородна. Нет мешающих отвлекающих деталей, никто: морей, обширных покровов растительности, облаков.

Свое же Землю мы издали не видим. А в упор она совсем не так, как на расстоянии. Тот же Канав с высоты в сотни километров, очевидно, совсем иной, чем обычно. Значит, нечто весьма существенное о своей тайне мы не знаем и не знаем. Просто потому, что видеть ее под слишком большим «увеличением». Может быть, с Марса и на Земле видна сеть «каналов»?

Ну, это уж слишком! Не все-таки мы не заметим столь броских черт облика своей планеты!

А почему, собственно, не можем? Рассмотрим бушви, образующие эти строчки, в микроскоп. Так ли просто тогда будет различить строчки? Опять все тот же Канав: с Марса он будет выглядеть коротким штрихом, отрезком «канала»!

Но отвлечемся и от общих рассуждений и от зрительного восприятия мира. Наукой дадут нам иное видение. Видение того, что скрыто от глаз. Воспользуемся же последним годом, земная ноша расщеплена глубинными разломами. Глубина некоторых из них — сотни километров. Колоссальные трещины, исчерпавшие планету. Почему мы им не замечаем их раньше? Замечали, — это глубинный разлом. Канав — то же самое. То же разломы, но более мелкой. Великие впадины Тихого океана, целые оканчивающиеся берега Азии. Уж тут нет ни малейшего сомнения, что это разломы.

Итак, наука сделала свое дело: характерной, распространяющейся чертой облика Земли являются разнообразные глубинные разломы. Они резко выделяются на поверхности то хребтами, то глубинными впадинами. Потому мы и не усмотрели в них единства: слитным по-разному выгладят

горные цепи и океанические желоба. Хотя так ли уж велико различие? Хребты стеной тянутся на сотни и тысячи километров. Желоба тоже. Хребты круто поднимаются вверх. Желоба — типичные антихребты; то же самое, только вниз. Геофизические приборы открыли причину сходства. Оно в протонейдании. Этого действительно нельзя увидеть невооруженным глазом.

Разведка земных глубин позволила разглядеть, что поверхность планеты иссечена трещинами. Полеты в космос научили смотреть на Землю со стороны Вселенной. И тогда сошлись эти два начала, глаз ученого увидел, что, впрочем, давно известно крупному советскому геофизику В. В. Федоскину: «В наше время, время реактивной авиации и космических полетов, не только на глобусе, но и в натуре можно отметить видеть планетарные разломы, как ясно выраженные правильные геометрические фигуры на поверхности Земли».

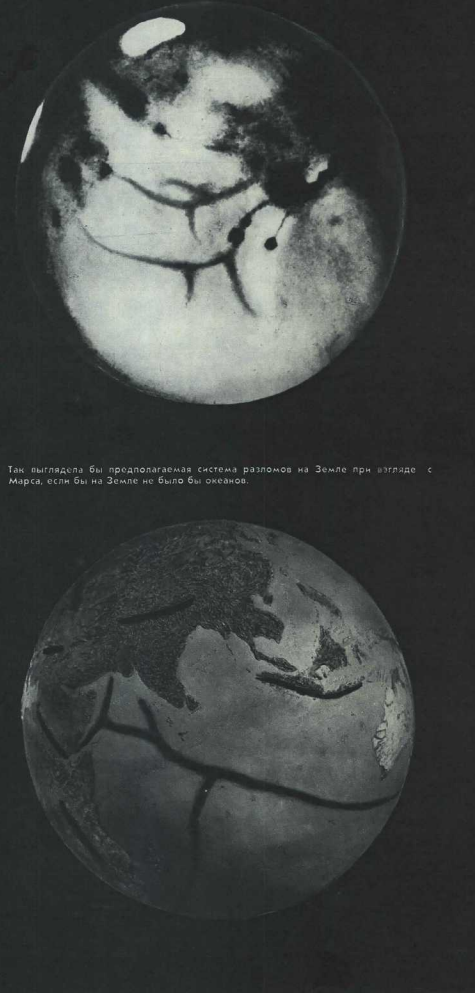
Правильные геометрические линии на поверхности Земли? Разве не это давным-давно удалось различить на Марсе?

Понятно, внешние сходство еще ни о чем не говорит. Глубинные разломы на Земле — следствие сложных, даже загадочных химических процессов. Но Марс — планета, очень похожая на Землю. Следовательно, можно ожидать, что процессы в глубинах Марса сходны с процессами в глубинах Земли.

И почему только на Марсе? Посмотрим, нет ли на Луне, столь хорошо доступной наблюдения со стороны, нет ли там правильных геометрических линий, образующих глубинные разломы. «Посмотрите на отвесную стену Лунах Альпини», — продолжает В. В. Федоскин, — «нависшую над гладкой равниной поверхность Моря Дождя, и она вам напомнит земные Гималаи, возвышающиеся над Индийской равниной».

Но если каналы Марса образованы глубинными разломами, то есть хребтами или желобами, то почему эти детали рельефа Марса еще не рассмотрены астрономами и именно как хребты? Во-первых, определить даже крупные хребты или ложбины с расстояния десятков миллионов километров — трудная задача. Во-вторых, глубинные разломы все же не обязаны резко выделяться на поверхности. Они могут даже проступать на гладкой равнине, как проступает сетьлов почему траектории древних арынов при аэрофотосъемке.

Так что вполне возможно, что разгадка волнующей тайны марсианских «каналов» находится на Земле. Но дело даже не в правильности или ошибочности этой гипотезы. А в том, какова необычайная важность на знакомые всем вещи надежда, что нас современная наука

Так выглядела бы предпологаемая система разломов на Земле при взгляде с Марса, если бы на Земле не было бы океанов.

В. БУТ

Фото
С. ПЕТРУХИНА

Часы творчества.

*На репетиции.
Смолк оркестр.
Теперь слово
автору.*

ЭТО БУДЕТ

СИМФОНИЯ

Сперва были просто теплый летний вечер и какой-то лирически настроенный парень. Я сидел на лавочке в парке, а он прохаживался неподалеку и, явно поджидая девушку, насатывал знакомую мне приятную мелодию.

Ту же «мелодию без слов» мурлыкала кондукторша трамвая, на котором я часами позже добирался до гостиницы... Где-то омоло погнучно по радио передавали эстрадный концерт. И снова услышала я знакомый мотив. Ну, а утром я сам уже напевал эту мелодию.

— Что, нравится песня? — спросили у меня в обиходе комсомольца, куда я зашел по делам.

— Фени.
— Между прочим, наша, львовский.
...Мирослав Скорин смущено

улыбнулся, когда услышал рассказ о том, как непритязательная, написанная им «на досуге» песенка «Намалой зминиче» привела меня к нему.

— Знаете ли, — синоптически развел он руками, — радоваться особенно нечему. Вот если бы вместо нее было что-либо вроде фортепьянной сонаты.

Мирослав сироничает. Молодого львовского композитора хорошо знают и имя автора серьезной музыки. Интересны его симфонические поэмы: вызвавший горячие споры «Бальса» и «Сильнее смерти» — произведения, навеянные известной скульптурой Ф. Фивейского.

Украинские любители музыки по достоинству оценили кантату Скорина «Васа». Она прочно вошла в репертуар симфонического оркестра Львовской филармонии. Не раз в кон-

цертных залах Украины и Москвы звучала его сюита для струнного оркестра.

Большой успех выпал на долю сюиты в Халасини, на Всемирном фестивале молодежи, где ее исполнил струнный оркестр Московской консерватории.

Любовь к музыке пришла и Скорину в детстве. Дома почти не закрывалась крышка рояля. Играла мать, унаследовавшая неродимые музыкальные способности от бабушки Мирослава — Софией Крушелицкой, известной оперной певицы, выступавшей вместе с Собновыми и Шапалыным. Отец частично брал в руки скрипку. Все это предопределило будущее самого Мирослава: первый этап — музыкальная школа-десятилетка, потом Львовский государственный консерватория имени

В перерыве между лекциями. Профессиональный разговор двух музыкантов.

И. В. Лысенко, затем первая значительная работа — струнный квартет, еще во многом несовершенный, но подкупающий свежестью музыкального языка, поиском самостоятельного стиля. И первая поклевка приехавшего во Львов большого мастера.

— Занимайтесь теорией и пишите, пишете, — сказал Дмитрий Дмитриевич Шостакович, когда студент Скрябин показал ему свой квартет.

И, наконец, Московская консерватория и сегодняшний день молодого композитора — дипломная работа по окончании аспирантуры — кантата «Человек» на стихи Э. Мемелайтиса...

Партитура кантаты уже на директоромском пути симфонического оркестра Львовской филармонии. Ее не готовят и исполняют и хорвая капелла

«Трембита», Мирослав приходит на репетиции, советуется, спорит с оркестрантами. Уже рождается новая работа Скрябина — музыка и кинофильму «Тени забытых предков» по одноименной повести М. Коцюбинского.

Не хватает времени. Полдня он в аудитории, где еще не так давно сам слушал лекции, а теперь читает их студентам теоретико-композиторского факультета; еще полдня — в филармонии, в хоровой капелле, на репетициях «своего» эстрадного оркестра. Это самодеятельность. Но особенная, такая, с которой не хочется расставаться, хотя уже и далеко позади студенческие «непрофессиональные» годы. Кроме того, это интересно всем. Для студентов консерватории — практика и, часто, споры, увлечение; для Мирослава — и от-

дых и развлечение. Порой рождается вдруг мелодия или попадает на глаза стихи, которые сами просятся на музыку. Оркестр — первая проба только что появившейся на свет песни, друзья — первые ее судьи.

А по вечерам снова роль и листа нотной бумаги. Томик Коцюбинского. Хочется, чтобы музыка и фильму не была просто эмоциональной иллюстрацией, приложением... И раздумья о творчестве, о путях развития музыки, о дальнейших планах. Нужна помощь музыкальных критиков. Без этого не обойтись. Особенно трудно, когда приходится сталкиваться с противоречивыми оценками. Вот еще симфоническая пьеса «Сильнее смерти». На обсуждении в Московской консерватории и в Союзе композиторов СССР ее хвалили. А в Союзе

композиторов Украины встретили более чем прохладно. Кто же прав?

Сейчас самая завидная мечта Скрябина — создать большое, монументальное произведение. Что это будет? Синтез всего перенитого, передуманного и пережитого, пережитого и пережитого.

— Это будет симфония, — говорит Мирослав. Наверное, она уже живет в нем. Только надо собраться с силами...

На лице у него уже знакомая смущенная улыбка.

— Вот проговорился — симфония. А какой она получится? Хочется, чтобы ее можно было петь, чтобы ее танцевать, чтобы просто напевали... Може, не так, как ту мелодию, что вы слышали, а как строгоую и мужественную музыку...

Да, это будет симфония...

ачу с одного из самых памятных воспоминаний моего деревенского детства.

Праздничное июньское солнце; огромный шумный луг деревенского гулянья — все расцвеченный яркими сарафанами, кашемировыми жупанами, голубыми и розовыми лентами в дамских косах.

И трое лейтенантов — в скрипучих ремнях, с желтыми кобурами, в темно-зеленых гимнастерках с отложными воротничками, испещренными шапками по шуюлой, праздничной толпе. Они идут — и люди почтительно расступаются. Идут в сопровождении почетного эскорта — нас, ребята, которые следят за каждым шагом командиров широко открытыми глазами.

Оно необычно, это ощущение восторга, захлестнувшее наши сердца, когда мы — впервые в жизни — увидели живых «красных командиров»: мы знали о них лишь по книжкам да по возмущенным мальчишеским шепотам. Он — мы бываем, этот день приобщения к таинству воинской славы, еще и потому, что это был день 22 июня 1941 года.

Весь о войне пришла к нам в сельсовет в самый разгар гулянья. Его плаваная строгость была смята, распотана в мгновение ока, и мы тут же потеряли из виду наших торжественных лейтенантов. Так и осталось навсегда в памяти: романтичный образ подтянутых, праздничных командиров и тревожный до осязания голос из громкоговорителя в окне дома нашего учителя математики Васына Петровича, единственного обладателя самодельного детекторного приемника в тех местах.

Мне вспомнились эти эпизоды моего детства, когда я читал в 6-м номере «Романтика» «Взрослый вопрос Людмиле Алениной.

«Генерал пригласил... чтоб вся грудь в орденах» — наступил Борок и сделал серьезное лицо, то говорит Сашка Столаров, но последние его слова тонут в дружном хохоте.

Мне живо представлялся как солидный военный человек мятая на сцене, и стало очень смешно.

А когда я принесла этот материал в редакцию, мне сказали: «Над чем же вы смеялись?»

Дело в том, что у меня, а точнее у нас, в пору военного детства тоже был генерал. Наш генерал. Мы никак не могли узнать его фамилию. Но мы точно знали: среди наших земляков — уроженцев Таварского района, Вологодской области, — есть генерал. У него вся грудь в орденах. Он родился и рос на Толпине, всего в сорочке километрах от нас! Сознание этого чрезвычайно значительного для нас факта наполняло наши сердца неподдельной мальчишеской гордостью. И когда он в конце войны приехал на побывку домой, об этом знало все мальчишеское население района. Трудно представить себе, что было бы с нами, мальчишками военных лет, если бы в гости к нам прибыл он — настоящий, живой, Боевой генерал.

И не потому, что мы знали, как неперстодуются человеку генеральские погоны. За всем этим стояло нечто большее. Что?..

«ПОДЕМ?»

Поэт Сергей Наровчатов — ровесник Павла Когана, Николая Майорова, Михаила Молочко и других поэтов, не вернувшихся с войны, — вспоминает, как в августе 1938 года, шестнадцатилетним, они лежали с Мишей Молочко на жульчине песке Черноморья и вглядывались в очертания испанского парохода, стоявшего на рейде:

«Я хелу покинул,
Поплыть повоевать,
Чтоб званель в Гренаде
Крестышки и солдат».

Задумчиво повторяя Михаил светловские строки. И вдруг, выйдя из джонки, спросил полуоспорительно-полутвердительно: «Поплыдем...?» Это было не шальная мальчишеская блажь, заставлявшая когда-то гимназистов бежать в Америку. Нет, этот юношеский порыв был подготовлен в нас. Шашки и литература — наши намерения не дано было осуществить. Корабль в тот же вечер снялся с якоря и ушел в Испанию...»

Товарищу Людмиле Алениной решила в газетно-юношескую Советской Армии «сделать литературную страничку и рассказать о молодых поэтах, погибших в войну» — о том же Михаиле Молочко, о Михаиле Кузьмичине, о Николае Майорова, о

Павле Когане... Они могли бы этот список дополнить и включить в него не только поэтов, «Дневник Нины Костериной» и «Повесть о Борисе Беклешовце» Любоба Кабо, «До свиданья, мальчишки» Б. Балтера и «Один из нас» В. Ряслова, «Последние залпы» Ю. Бондарева и «Люди остаются людьми» Ю. Пилляра — все эти книги о душе поколения, которое в юности и отрочестве встретило войну.

Мы любастые мальчишки невиданной революции
В десять лет — мечтатели.
В четырнадцать — поэзия и поэты.
В двадцать пять — избранные в смертные религии.

пророчески сказал о своем поколении Павел Коган.

Феликс КУЗНЕЦОВ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ

Это было идейное поколение в самом высоком и точном значении слова.

Написал так и задумался. Вспомнил диспут в одной из московских школ, где милая, порывистая двенадцатилетняя Наташа С. с гневом и болью говорила о своей подруге:

— Она у нас такая идеальная, такая идеальная, что... на все способна!

Как же случилось, что великое понятие идеальности, сообщавшее красоту и цельность человеческому духу, вдруг проделувано, противостоит трансформации?

Может быть, Наташа С. не очень хорошо представляет себе, что такое идейный человек?

Одним из самых идейных людей своего времени был народоопелец Желобов. Будучи арестованным за несколько дней до убийства Александра II и имея, таким образом, полное право, он сразу же после убийства направил новому самодержцу письмо, являющее собой документ редкой нравственной силы:

«Я требую приобщения себя к делу I марта, и, если нужно, сделаю получившие меня послабления. Прошу дать ход моему заявлению. Меня бесконечно огорчает, что правительство поставит внешнею законность выше внутренней справедливости, украсив корону нового монарха трупом юного героя лишь по недостатку формальных улик. Я протестую против такого исхода всеми силами души моей и требую для себя справедливости. Только трупосудно правительство можно было бы объяснить одну виселицу, а не две.

АЛДРЕЙ ЖЕЛБОВ.

Руководитель «Народной воли» был припо-

щен самодержавцам к «делу I марта». По собственной воле, «требую справедливости», взошел он на шафрот.

Вот что такое революционная идейность! Это та сила, которая вела людей на баррикады и в гонимые, заставляла совершать подвиги самопожертвования, предопределяла нашу победу в годы революции и в Великую Отечественную войну, подымала дух человеческий на невиданную высоту.

«ЛОБАСТЫЕ МАЛЬЧИКИ НЕВИДАННОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Мы были высоки, ровнорослы. Вы в книжку прочитаете, как миф. О людях, что ушли, не долбили. Не документа последней папоссы...

обращается к нам на вернувшийся с фронта молодой поэт Николай Майоров.

У писателяница Любоба Кабо есть «Повесть о Борисе Беклешовце».

«Хочется, чтобы память о нем осталась в наших сердцах на долгие годы, чтобы о нем узнало как можно больше людей.

Эти слова сегодняшнего школьника из стамгазеты «Мешеряк» Кабо взяла эпиграфом к своей книге.

Что он, Борис Беклешов? И почему книга эта, непонятная в книжку — не повесть, не очерк, но сердцем написанная судьба человека, — будит так много мыслей и чувств?

«Не что-то такое «общество» и «выражать», не «поднимать» и «типизировать» — просто рассказать, поддержавшие фактов, историю одного из

ного маленького южного городка, приехав в Московский университет, в первый же день — на целую ночь — увидит ее! «Камилла».

— Коля, почему Камилла? —
— Просто так,— отвечает Коля.— Сегодня наша первая студенческая ночь, и мне хотелось, чтобы эта ночь запомнилась, и я подумал: какая есть в мире самая великая книга? Я никогда не читал «Библию», но я думаю... и мне захотелось прикоснуться сегодня...
— К великому?

— Да,— серьезно ответил Коля.
И то же настроение звучит в описании вечера институтской библиотеки, в стихах стихах, которые читают они:

— Но мы еще дождем до Галла!
Но мы еще умрем в бою!

Потом идет... Мы сразу же узнали, что сейчас, зимой, он и идет бы и выглядел по-другому. Михаил Галла!

Краснеет щарк, как пламя, закнжут за спину, на голове не то кепка, не то шлям с юпками и застежками. Мы видим его вполборота, скошенный взгляд и выступающий вперед крепкий подбородок.

...«Железные губы
человек сдвинул
о земшара грудью»!
Только советская нация бурлит!
И только советской расе людий!

Нет, пусть превратят на это повесть, потому что должны назвать их имена — даруя превращаясь в повествование голос автора.

Они смотрят на меня бесшумными своими глазами, смотрят снегов далекие годы — ленинцы, сытые ребята. Они смотрят на меня, и я не могу не назвать их имена.

Но мы еще... и в бою!.. Это тот, в черной кожанке,— Павел Коган. А рядом — «сшибает за земшара грудью»... Никакой он не Галена. Никакого Галана вообще не было. Это Михаил Кулячицкий.

Потом Всеволод Багратиц: «Потра в сын поэта, поэт Николай Маторов и Коля Отрад».

Это о них шла речь на литературном вечере, о котором рассказывала в «Романтике» Людмила Аленикина.

УЧИТЬСЯ ДУМАТЬ

«Все готово: выучены стихи, продуман сценарий... Респлавившаяся занавес, обдав нас ветерком. И мы остались один на один со зрителем и со звуками. Звучат стихи, а за залу падает шумот. Он пульсат с последнего ряда. Резко ударяют в барабанные перепонки приглушенные смехики... Здесь в дальнем углу переговариваются группа ребят и девушки. Мне со сцены не видно их лиц. Но как я их сейчас ненавижу!»

Понятна боль и обиды Людмиле: ведь речь шла о самом святом, о таком, что, казалось бы, не могло не тронуть человека, которому шестидецать лет...

«Так почему провалился вечер? Почему мы друг друга не поняли, ведь в зале и на сцене были романсионы! — отвечает Людмила «взрослым», с ее тонким ироничным вопросом. Почему этот вопрос ей кажется более «взрослым», чем она сама? Откуда эта робость в постановке и осмыслении серьезных жизненных проблем?»

«Теперь я выросла,— пишет она,— мне шестидецать, а вместе со мной выросли вопросы. Не очень взрослые, если судить по «взрослому» вопросу и по другим материалам этого номера «Романтики» — рассказам, очеркам, заметкам. При разном уровне литературных способностей их авторов все они отменены одним: инфантильностью, незрелостью гражданской мысли. В порядке утопичности: этим недостатком, конечно, в гораздо меньшей степени страдает вообще наша молодая литература последних лет.

Откуда это? В чем причина незрелости гражданского чувства у многих молодых людей, в том числе у самой Людмилы и у ее друзей?»

«Нена молча выплывает слеза. Лягая ей, зную сив губу, упираясь невнятным взглядом ядалью... Слავы и обиды — вот их реакция на равнодушный шепот и смехики во время чтения стихов Павла Когана. Разве так ты видишь себя в подобной ситуации? Нина Костерина и Борис Бекешов! А ведь Нина Костерина писала свои дневники в те же шестидецать лет...»

И все-таки хорошо, что этот «взрослый» вопрос идет перед Людмилей Аленикиной. Хорошо, что он возник в ее душе.

«...Иногда возникает трудный вопрос. И очень важный — быть может, один из самых важных сегодня...»

В конечном счете это вопрос об идеалах и убеждениях людей, только-только начинающих серьезную жизнь. Людмила Аленикина, и все же нас есть немалые основания для тревоги.

Вы помните, должно быть, тот спор, который вудут в известном «Коллекте» Саша Зеленин и Алеша Максимов, о высшем слове о высшем слове. Собственно, речь здесь идет не о «словах», а о том, что стоит за ними: о высшем идеале, о принципе и убеждениях, о целом мировоззрении современного молодого человека.

Уж, как можно надежды! Вся эта трепаловка Алексея Максимова на тревожные раздумья Саша Зеленина о смысле жизни, о гражданском долге, о наслоившихся революционных идеалах. Быть может, Алексей Максимов — убежденный, закоренелый чиник? «Я люблю свою страну, свой строй, и не задумываясь, отдам за это руку, ногу, жизнь», — говорит другу Алексей Максимов, и мы не в веруем ему.

Алексей Максимов не обыватель вроде любителя легкой и святой жизни Петра Столабова. В глубинной своей основе он человек принципа, чиник, настоящий, с искрой в душе человек. И вместе с тем он упорно считает, что об идеалах и убеждениях говорить не следует, что все это «высокие слова». Откуда у этого по сути своей чиника и настоящего юнца именованье рассудить и думать о «высоких материях», то есть о самых коренных вопросах жизни, болях «высоких слов»? Надо отдать должное писателю: он подметил здесь явление, распространенное среди определенной части молодежи конца 50-х и начала 60-х годов.

«Никто не знал, что у Володушки выработалась защитная планка, именуемая иммунитетом. В романе «Литературное» есть один из главных героев — хороший рабочий перне. Быть может, здесь надо искать ответ на вопрос об истоках налусского цинизма Алексея Максимова, о причине безразличия к «высоким словам?»

Спор не ут, дегматизм и нечетиничность в период культуры личности выработывали у определенной части молодежи «защитную планку, именуемую иммунитетом», к слшному общему, то и высоким идеалам. Но при этом только у Алексея Максимова — «Их пронизало великое множество идеаловотс вроде тебя, но ты слыши мэрзавце твоих. Наверное, и Берия пользовался ими, когда обманывал народ. Или Сталин? Или Ленин? Или кто-то из самых героев — хороший рабочий перне. Быть может, здесь надо искать ответ на вопрос об истоках налусского цинизма Алексея Максимова, о причине безразличия к «высоким словам?»

«Их пронизало великое множество идеаловотс вроде тебя, но ты слыши мэрзавце твоих. Наверное, и Берия пользовался ими, когда обманывал народ. Или Сталин? Или Ленин? Или кто-то из самых героев — хороший рабочий перне. Быть может, здесь надо искать ответ на вопрос об истоках налусского цинизма Алексея Максимова, о причине безразличия к «высоким словам?»

«Их пронизало великое множество идеаловотс вроде тебя, но ты слыши мэрзавце твоих. Наверное, и Берия пользовался ими, когда обманывал народ. Или Сталин? Или Ленин? Или кто-то из самых героев — хороший рабочий перне. Быть может, здесь надо искать ответ на вопрос об истоках налусского цинизма Алексея Максимова, о причине безразличия к «высоким словам?»

«Их пронизало великое множество идеаловотс вроде тебя, но ты слыши мэрзавце твоих. Наверное, и Берия пользовался ими, когда обманывал народ. Или Сталин? Или Ленин? Или кто-то из самых героев — хороший рабочий перне. Быть может, здесь надо искать ответ на вопрос об истоках налусского цинизма Алексея Максимова, о причине безразличия к «высоким словам?»

«Их пронизало великое множество идеаловотс вроде тебя, но ты слыши мэрзавце твоих. Наверное, и Берия пользовался ими, когда обманывал народ. Или Сталин? Или Ленин? Или кто-то из самых героев — хороший рабочий перне. Быть может, здесь надо искать ответ на вопрос об истоках налусского цинизма Алексея Максимова, о причине безразличия к «высоким словам?»

«Их пронизало великое множество идеаловотс вроде тебя, но ты слыши мэрзавце твоих. Наверное, и Берия пользовался ими, когда обманывал народ. Или Сталин? Или Ленин? Или кто-то из самых героев — хороший рабочий перне. Быть может, здесь надо искать ответ на вопрос об истоках налусского цинизма Алексея Максимова, о причине безразличия к «высоким словам?»

Процесс преодоления последствий культуры личности крайне сложен, а порой противоречив, хотя в конечном счете в высшей степени благодетелен; его можно назвать по-прежнему осмыслением, осмыслением, но и жизненно зрелому уму. Достаточно ли мы поможем молодым правильно осмыслить этот сложный процесс обновления действительно, найдя исторически правильными решениями XX столетия.

Вот откуда эта тревожащая ковое реакция, выражающаяся в медоверии к «высоким словам», в настроениях скепсиса, налусского цинизма и безразличия, затронувшая какую-то часть молодежи.

Нина Костерина и Борис Бекешов об этом средстве пострадали во время культуры личности: у них были арестованы отцы, которые в свое время благополучно судьба: он сформировался в годы, когда злоупотребление культурой личности стали воспоминанием. И тем не менее именно они проносят вот эти, противостественные для Нины Костериной и Бориса Бекешова слова: «Уж, как мне этой надеждой! Вся эта трепаловка, это эти высокие слова!» Вот в каких опосредствованных формах проявляются сегодня психологические последствия культуры личности.

Вспомним недавние критические статьи, посвященные так называемому «хлещу» — зеленому коню без четкой жизненной позиции, но по праву являющемуся «хлещом» — красной лошади, молодой литературе. Один из критиков выразил этот характер за положительного героя времени, другие поставили на нем жирный крест. В действительности характер этот объективно выразил реально существующий в жизни, очень трудный и болезненный процесс: реакцию некоторой части нашей молодежи на ту горькую правду, которую она узнала о времени культуры личности. И беда заключалась в том, что это явление прозвонило остальным своей взглядом, что этот характер не включался в другое: они не смогли правильно осмыслить и объяснить генезис и суть его. Об этом характере — конечно же, временном, переходном — мы писали в «Романтике» в прошлом номере. Идейность, романтической дымки.

Ибо безидейность, отсутствие потребности в выработанных гражданских убеждениях, цельных идеалов, наличие «хлещи» — это, безусловно, переходный этап в становлении личности, очень трудный и болезненный процесс: реакцию некоторой части нашей молодежи на ту горькую правду, которую она узнала о времени культуры личности. И беда заключалась в том, что это явление прозвонило остальным своей взглядом, что этот характер не включался в другое: они не смогли правильно осмыслить и объяснить генезис и суть его. Об этом характере — конечно же, временном, переходном — мы писали в «Романтике» в прошлом номере. Идейность, романтической дымки.

Име безидейность, отсутствие потребности в выработанных гражданских убеждениях, цельных идеалов, наличие «хлещи» — это, безусловно, переходный этап в становлении личности, очень трудный и болезненный процесс: реакцию некоторой части нашей молодежи на ту горькую правду, которую она узнала о времени культуры личности. И беда заключалась в том, что это явление прозвонило остальным своей взглядом, что этот характер не включался в другое: они не смогли правильно осмыслить и объяснить генезис и суть его. Об этом характере — конечно же, временном, переходном — мы писали в «Романтике» в прошлом номере. Идейность, романтической дымки.

Име безидейность, отсутствие потребности в выработанных гражданских убеждениях, цельных идеалов, наличие «хлещи» — это, безусловно, переходный этап в становлении личности, очень трудный и болезненный процесс: реакцию некоторой части нашей молодежи на ту горькую правду, которую она узнала о времени культуры личности. И беда заключалась в том, что это явление прозвонило остальным своей взглядом, что этот характер не включался в другое: они не смогли правильно осмыслить и объяснить генезис и суть его. Об этом характере — конечно же, временном, переходном — мы писали в «Романтике» в прошлом номере. Идейность, романтической дымки.

Име безидейность, отсутствие потребности в выработанных гражданских убеждениях, цельных идеалов, наличие «хлещи» — это, безусловно, переходный этап в становлении личности, очень трудный и болезненный процесс: реакцию некоторой части нашей молодежи на ту горькую правду, которую она узнала о времени культуры личности. И беда заключалась в том, что это явление прозвонило остальным своей взглядом, что этот характер не включался в другое: они не смогли правильно осмыслить и объяснить генезис и суть его. Об этом характере — конечно же, временном, переходном — мы писали в «Романтике» в прошлом номере. Идейность, романтической дымки.

Име безидейность, отсутствие потребности в выработанных гражданских убеждениях, цельных идеалов, наличие «хлещи» — это, безусловно, переходный этап в становлении личности, очень трудный и болезненный процесс: реакцию некоторой части нашей молодежи на ту горькую правду, которую она узнала о времени культуры личности. И беда заключалась в том, что это явление прозвонило остальным своей взглядом, что этот характер не включался в другое: они не смогли правильно осмыслить и объяснить генезис и суть его. Об этом характере — конечно же, временном, переходном — мы писали в «Романтике» в прошлом номере. Идейность, романтической дымки.

Име безидейность, отсутствие потребности в выработанных гражданских убеждениях, цельных идеалов, наличие «хлещи» — это, безусловно, переходный этап в становлении личности, очень трудный и болезненный процесс: реакцию некоторой части нашей молодежи на ту горькую правду, которую она узнала о времени культуры личности. И беда заключалась в том, что это явление прозвонило остальным своей взглядом, что этот характер не включался в другое: они не смогли правильно осмыслить и объяснить генезис и суть его. Об этом характере — конечно же, временном, переходном — мы писали в «Романтике» в прошлом номере. Идейность, романтической дымки.

УЧЕБНЕ ОКЛАД

ИСТОРИЯ

Памятник Мигалю Сервету

Малыши снаг Мигалю Сервету. Кальвинисты воздвигли ему памятник. — Вот здесь — говорили и калвинисты, — на этом самом месте безвременно скончал великий Сервет. Как жаль, что он не дожил до своего памятного дня! Если бы он так безвременно

не скончал, он бы сейчас поразился вместе с нами. — «...Но», говорили калвинисты, — но он не надо! — говорил. — Да-да, дружи, великий Сервет скончал не напрасно! Ведь если бы он здесь не скончал, откуда бы мы знали, где ему ставить памятник!

Наполеон

— От великого до смешного один шаг, — сказал Наполеон и все-таки не сделал этого шага. Наполеон у Наполеона были последователи...

ФИЗИКА

Атомная энергия

Маленький Атом, а сколько у него энергии! Это ведь надо — построить мопедик, а потом из молекулы — целое вещество. Иногда он готов расщепиться, чтобы еще что-то создать, — такой он добрый, миролюбивый Атом. — Миролюбивый? Ну, это, положим, еще вопрос... Знел бы этих миролюбивых! Сейчас миролюбивый, а в случае — и начинаются испытания.

— Так-так... Значит, миролюбивый? Ну-на, давайте его сюда! Атом пока держится, но это стоит ему большой энергии... Возмите иречь... Вот так... Теперь самейте иречь... Заиречь — поплотней, чтоб света не выдел... Значет, миролюбивый? Миллиуе солдат ет! Сейчас нам дайте — все полетит и черту!

Маленький Атом, совсем незаметный на глаз. Он создает и молекулу и сложное вещество, он готов расщепиться... но только не испытывайте, не испытывайте его терпение!

Сообщающиеся сосуды

Встретился Чайный Станк с Графинчиков. Наклонил над ним Графинчик и закричал:

— Я хожу с тобой поделиться... Чувствует Станк, чем это пахнет, а отказать неудобно Графинчику, потому обидится. И набрался Станк по самым красивым.

Вот так оно бывает всегда с нем поведется, от того и наберешься.

ХИМИЯ

Инертный газ

Пользуясь тем, что его впервые открыли на Солнце, Гелий дерзится обособно и пренебрегает нормальными химическими отношениями.

— Вот у нас на Солнце! — говорит Гелий. — Там не то, что здесь...

А собственно, что же танце на Солнце? Водород, метан, натрий — все то же, что и на Земле. Да и сам Гелий — обыкновенный земной элемент, только его на Солнце раньше заметили.

И о Солнце Гелий говорит для того, чтобы оправдать свою земную инертность.

Золото

Кислород для жизни необходим, но и без золота тоже прожить не просто. А на деле бывает так!

Когда дышит легко и в порядке, чувствуется, что не хватает золота. А как привалит золото — станет труднее дышать, и это значит — не хватает кислорода.

Ведь по химическим законам — самым древним законам земли — золото и кислород несоединимы.

ЛИТЕРАТУРА

Мидасов суд

— Как на него, — сказал Мидас, послушав иргу Аполлона. — Но, по моему, классика — это уже старо. Другое дело — легкая музыка.

Там сказал Мидас, и его наградили ослиными ушами.

Такие большие уши позволили Мидасу углубить свои музыкальные познания. И теперь, когда Пан играл на пастушьих свирели, Мидас замечал:

— Как на него... Оно, конечно, народные инструменты... но лично я больше люблють серьезной музыки...

Там говорил Мидас, и ослиные уши оставались при нем.

Пигмалион

Персей много горю о своих подвигах, но был среди них один, о котором он не любил рассказывать.

Отрубил голову медузе Горгоне, Персей по дороге домой зашел на остров Кипр и заманчиво скульптору Пигмалиону. Пигмалион и то врали был влюблен в только что законченную статую, как обычно бывает влюблены художники в свои последние произведения.

— Это моя самая любимая, — сказал Пигмалион, и статуя вдруг ожила. От таких слов ожить — дело вполне естественное, но скульптор был дилек от естественных дел.

— О Боги! — взывал он. — Как мне вас благодарить?

Вос сиромно молчали, сознавая свою негражданность. Пигмалион долго не находил себе места от радости. Потом наконец нашел:

— Я пойду в мастерскую, конечно, но поработать, — сказал он ожившей статуе. — А ты тут пока ждешь гостя.

Изначини занавески застали, потому занимал ее, из за всеми этими занятиями они забыли о Пигмалионе.

Между тем скульптор — проходил в мастерскую, наткнулся на голову медузы Горгоны, которую оставил художник неосторожный Персей. Он

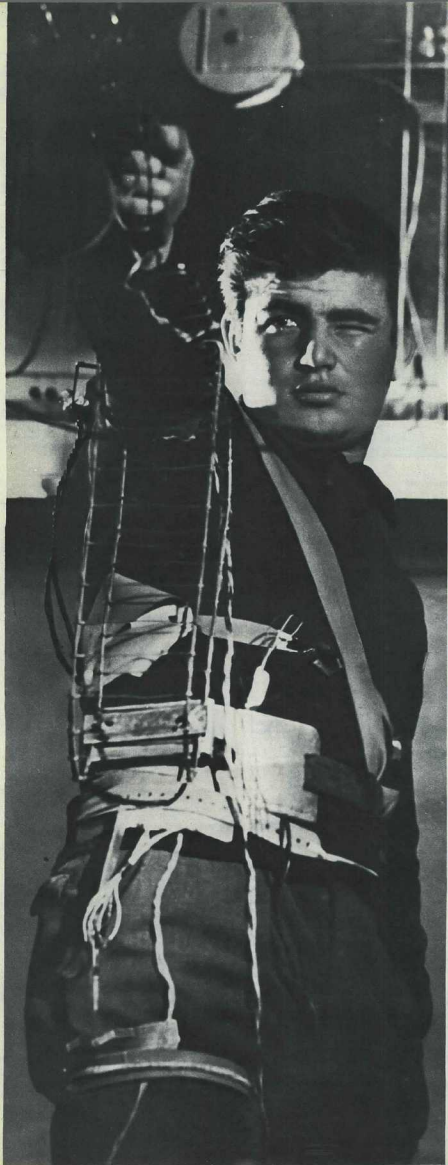
взглянул на нее и омякнен, потому что танова была свободна этой головой, о котором знали все, кого она превратила в камень.

Прошло много долгих часов, и вот в прихожую вышли Персей и его собеседница.

— Ну и образина! — сказала новая статуя, глядя на омякнешшего творца. — Значит, Пигмалион, тогда не мог создать ничего лучшего!

Там сказала женщина, и Пигмалион навеки остался таким...

ЭКСКУРСИЯ «СМЕНЬ»

Прыжок в будущее

Прыгун стремительно разбегается и отталкивается от бруса. Прыжок такой длинный, что он во время перебарывает ноги, словно продолжает бежать по воздуху.

Какой же огромной силы должен быть толчок, чтобы тело спортсмена пролетело в длину восемь с лишним метров! Недаром известный наш прыгун в длину Игорь Тер-Ованисян образно сравнил дорожку разбега с бифордовым шнуром, а брусом, от которого отталкиваются, — с динамитом. Да, это взрыв. Спортсмен мгновенно обрушивает на брусом силу более чем в 800 килограммов. Она и должна выбросить его в полет.

Штангист, имеющий собственный вес сто килограммов, со штангой в руках, в которой тоже сто килограммов, естественно, будет весить двести килограммов. А знаете ли вы, что в один из моментов при поднятии штанги их общей вес почти равен нулю! Это происходит тогда, когда спортсмен, как бы подламываясь, ныряет, уходит под штангу, чтобы затем вытолкнуть ее вверх. Какая же тончайшая техника движений нужна в танце, казалось бы, простом деле, как поднятие тяжести!

Мы сейчас с вами взглянули на спорт не глазами зрителей, сидящих на стадионе, а как бы изнутри. Правда, открыли лишь первую дверь. А вот то, что вы видите на фотографиях, — это, пожалуй, взгляд в самую глубь.

Любой живая ткань является генератором электрических сигналов. Это свойство тканей и использовали исследователи.

На теле спортсмена наклеены электроды, или, как принято говорить, датчики, соединенные с электронными приборами, которые ведут запись биотонов. Вот спортсмен начинает выполнять какое-то упражнение, и биотоны, мельчайшие электрические всплески в мышцах, с абсолютной точностью рисуют картину сложного чередования ритмов активности и расслабления, непрерывных изменений мышечных напряжений, угасающих в одном месте и рондающихся в другом. Иными словами, биотон рассказывает, при каких движениях какие группы мышц работают наиболее активно и с какой последовательностью. Тщательные анализы этих данных, записанных на осциллографических лентах, дают возможность ученым сделать выводы о структуре

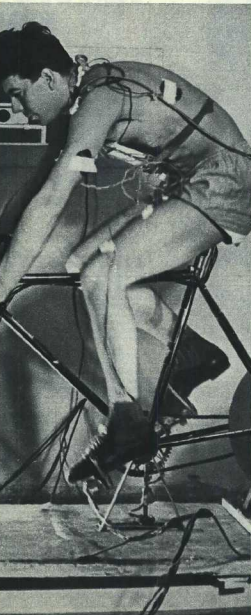
движений спортсмена, помогут понять, рациональна ли его техника или же значительную часть усилий он затрачивает впустую. А поняв это, можно дать точные советы.

Любители спорта знают, что, когда несколько лет назад появились шесты из фиброгласа, результаты прыжков с шестами стали расти необычайно быстро. Но фиброгласовый шест на первых порах оказался очень капризным: он не только не помогал, а поначалу мешал спортсменам. Тогда тренер наших прыжков Виктор Ягодин попросил ученых выиспать характер мышечной активности, характер координации движений при прыжках с фиброгласовым шестом. Оказалось, технику прыжка с новым шестом надо существенно менять. Учтя эти данные, Ягодин смог разработать ряд вспомогательных тренировочных упражнений, которые как ненужные теперь некоторые страны.

Наверное, тренер доктор педагогических наук Владимир Дьячкова известен сейчас не меньше, чем его прославленный ученик Валерий Брумель. Именно их совместное творчество дало такие известные всему миру результаты.

Особенно значительны один из последних экспериментов Дьячкова, который помог обнаружить интереснейшее явление. В результате многолетних наблюдений Дьячков пришел и мысли, что наиболее эффективные при прыжках в высоту результаты.

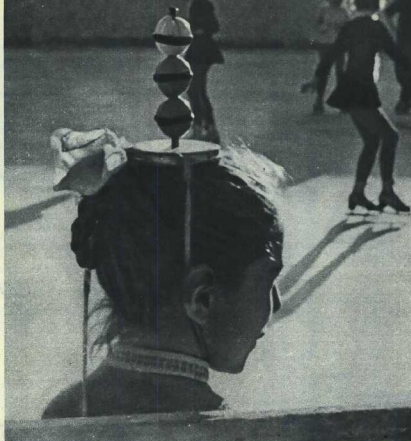
Изучение динамики усилий и мышечных переключений ведется на сложной электронной аппаратуре.

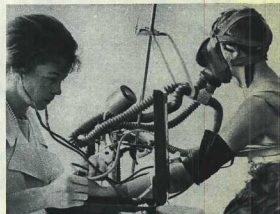
бедр, когда перед толчком так как бы «выводился» вперед вперед. Внешне это выглядит дьячкова противостоятеленные: вместо того, чтобы в самый важный момент — перед толчком — стремить корпус вверх, тело как бы откидывается назад, и тем самым, казалось бы, гасится вся сила разбега. Да, внешне, может быть, так и выглядит. Правда, смотри на чей взгляд Дьячкова увидел в таком положении корпус туго натянутый лук. Не только увидел, но и смонструировал такое положение. Поначалу это была лишь мысль. Ее, проставо, проверить практически. Но сделать это было трудно, потому что успех или неуспех отдельных прыжков еще не подтверждал и не опровергал идеи. Много зависело от всевозможных, подчас неудачных моментов. Ити эмпирические моменты, были бы слишком долго. И тогда на помощь пришел все те же биологи, которые помогли точно выиспать характер мышечной активности при подобной технике движения и подтвердили мысль тренера.

Во время этого эксперимента обнаружилось явление, названное феноменом внутримышечной координации. Оказалось, что в зависимости от положения тела и смыслового задания работали различные участки одной мышцы. В данном случае правой мышцы бедра. Успех эксперимента необычайный, и значение его трудно переоценить. Изменилось представление о мышце, о ее возможности. Стали видны более широкие перспективы физического совершенствования, более тонкие и тонкие способы управления телом прыжунца. И тысячи спортсменов вместе с тренером олимпиады трудом будут стараться теперь превратить этот феномен в повседневное явление спортивной жизни. Иными словами, результат эксперимента имеет огромное практическое значение.

Что же ждет эти научные исследования, наблюдения, в значительной мере экспери-

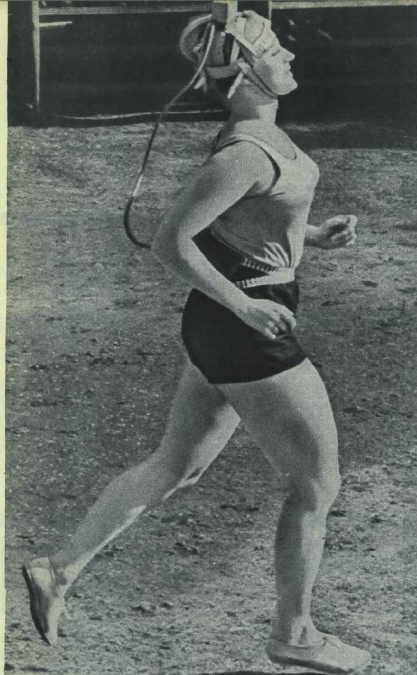
Это не украшение. Световой и звуковой индикаторы покажут, под каким углом находится коныши по отношению ко льду, и дадут возможность тренеру оценить правильность выполнения юными фигуристами определенных движений.

Кандидат медицинских наук Ф. Нордманс проводит комплексные исследования организма спортсмена.

Датчики для регистрации элентрической активности мышц нарисуют тонкую картину особенностей техники боксера. Эксперимент проводит аспирант кафедры бокса А. Бакашвария и руководит лабораторию биомеханики кандидат педагогических наук И. Гатов.

ментально? Наш фоторепортаж рассказывает о работе Центрального научно-исследовательского института физической культуры, в который теперь все больше за советами обращаются спортсмены. Пригнуп и дину совершил уже сотый прыжок, а результаты не растут. В чем дело? И спортсмен, казалось бы, отлично физически развит, и разбег быстрый, и сила толчка большая. А желаемого результата нет.

Сотрудники лаборатории биомеханики включили прибор, посмотрели записи и, улыбаясь, сказали:

— Мышцы не пускает вас. Вот ваш вектор, вот ваша направленная сила. Вы направляете свое тело по этой траектории, а такса траектория по всем законам физики не дает возможности улететь дальше семи метров. А вот как должно быть направлено ваше усилие.

И снова спортсмен прыгает и снова смотрит на показания прибора. Он должен поладить с Иштоном!

Итак, прибор этот возник в стенах института. Его сконструировали сотрудники лаборатории биомеханики Игорь Ратов и Михаил Мирский. Он называется вектор-динамограф. С его помощью уже исследуется техника спортивной ходьбы, бега, прыжков в длину, в высоту и с шестом. Засяты вектор-динамографы усилий, приложенных при упражнениях со

штангой, выполнении приемов борьбы и при педалировании на велосипеде.

Но вы, читатель, разглядывая фотографии, все время хотите спросить, наверное: что это за «иштон» на голове девушки? Это телеэлектроэнцефалограф — прибор, передающий с помощью все тех же биотоков данные об электрической активности сердца во время бега.

Приборы, которыми пользуются в институте, позволяют фиксировать не только работу мышц, сердца, но и работу мозга. Сотрудники

лаборатории психологии проникают, и довольно успешно, даже в такую труднодоступную, интеллектуальную область спорта, как шахматы.

Из результатов всех этих опытов складывается многоплановая картина, по которой исследователи судят о путях физического и духовного совершенствования человека, помогая раскрыть его полные безграничные возможности.

Результаты работы института в конечном итоге будут иметь отношение не только

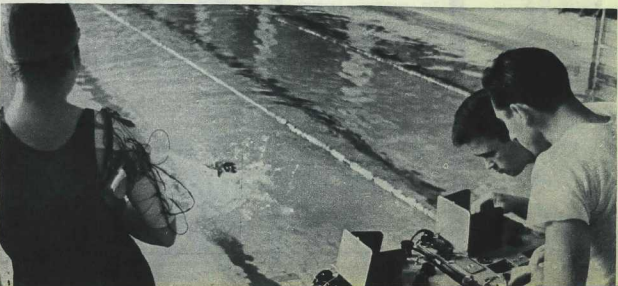
и спортсменам, но и помогут более эффективно следить за здоровьем, физической и умственной работоспособностью всех наших людей, позволят продлить годы их высшей творческой активности.

Экскурсию вели наши репортеры Анатолий ГУРОВИЧ и Григорий ДУБИНСКИЙ

Прибор сообщает по радиосердце Риты Бакляевой, артистки ансамбля «Бережка», студентки института физкультуры, работает четко.

Сумеет ли справиться со своими чувствами шахматист? Об этом тоже сообщает биоток.

Запись биотоков мышц при плавании — отличное подспорье при анализе техники спортсмена.

Члены палаты депутатов бразильского штата Манаус, несмотря на долгие дебаты, не смогли принять решения о необходимости срочного ремонта потолка в своем зале заседаний. Через полчаса после того, как депутаты покинули помещение, потолок рухнул.

Враиан Коул, тридцатилетний житель английского городка Нанчичен, в котором на шесть мужчин приходится одна женщина, сделал 1 282 предложенияступить с ним в брак. Эти предложения он запечатал в бутылки и бросил в Атлантический океан. Вскоре откликнулись 380 невест, из которых своеобразный конкурс выбрал 23-летнюю швею.

Уникальной профессией владеет житель Нью-Йорка Джим Келли. Обладая удивительной восприимчивостью и запятам, он служил в метро, где его обязанностью было выковыривать мышей и крыс. Кроме того, он умел по запаху находить трещины в обшивке туинсей. Однажды при очередном обходе Келли принахалил и заявил: «Слоны». Его подняли на смех, но он оказался прав. Наместу был расположен ипподром, где в это время выступали слоны.

Ряд неудач на торговом поприще вынудил английского мажора в отставке Дональда Карра организовать лотерею, единственным выигрышом которой был он сам. Карр согласен по требованию выигравшего исполнить в течение года любую работу при условии трудиться не более восьми часов в день.

Олаф Элимакст, житель шведского городка Малмье, в течение сорока лет получал студенческую стипендию. Это обстоятельство случайно обнаружилось, когда вечный студент успел отграды ночью свои шестидесятилетие. Ошибка была исправлена, и вскоре он умер, так как все эти годы стипендия была для него единственным средством к существованию.

Английские психологи обнаружили загадочное явление: некий Эдвард Смит, житель городка Бирмингема, находясь в состоянии опьянения, говорит только на красном языке и на двух среднеземноморских диалектах. Будучи же трезвым, об этих языках он не имеет ни малейшего представления.

Англичанин Артур Рид с 1847 года не может получить водительские права. За это время он прослушал 1 тысячу лекций, купил уже третью машину и исправил на соучение 3 тысячи фунтов стерлингов. Недавно он в девятый раз провалился на экзаменах.

В Париже открылась специальная бочья ноготка для спортсменов. Ее владелец, госпожа Дюбуа, утверждает, что самыми лучшими мужьями являются легкоатлеты, самыми лучшими женами — пловчихи. Футболисты занимают среднее место.

Нью-Йоркский издатель Гарольд Дифферри, вынужденный жить в пути и в ускуку, «Нак за полгода стать миллионером» и «Как сэкономить состояние», недавно в третий раз объявил себя банкротом.

ДРУДАЛЫ

«Друдлы — эти смешные словечком назвала английский писатель-юморист Роджер Прайс свои удивительные рисунки. И, если хотите, картинки-газайки. Впрочем, всякое определение будет неверным. Друдлы есть друдлы. Их можно рисовать самим, для этого не требуется особого мастерства художника. Если, конечно, не брать в счет умение воображения. Но друдлы можно также решать как ребусы, и тут уж вам потребуются не только воображение, но и умение взглянуть на вещи под необычным углом зрения. Решение друдлов, несомненно, будет фантазией и укрепляет нервною систему. Если вы хотите много шуток, используйте их действие на себе. Возможно, вам захочется порадовать друзей собственным друдлом.

Предлагаем вам 10 друдлов Роджера Прайса с комментариями автора.

Мировой рекорд по разламыванию пива, который два года удерживали студенты Ньюкастинского университета, недавно пополнил США. Теперь он принадлежит университету Мельбурна и равен 2 минутам 2 секундам.

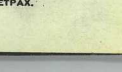
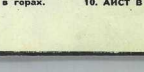
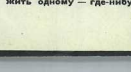
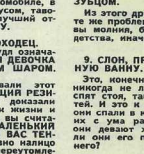
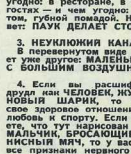
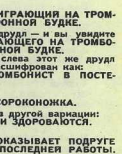
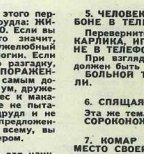
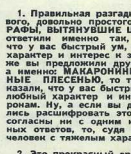
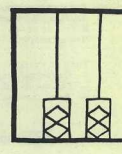
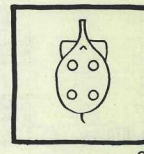
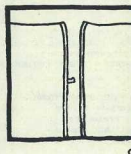
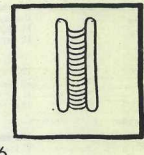
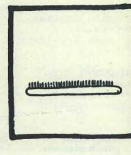
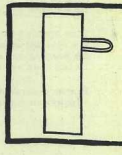
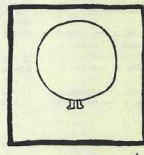
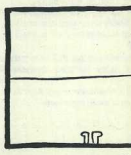
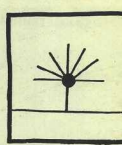
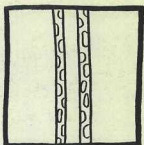

В первое шесть месяцев 1964 года в США было украдено 150 118 автомобилей. В это число не входят машины, украденные дилерами и тринками.

Когда Вильгельм Шмидт узнал от врачей, что ему осталось жить всего 8 месяцев, он решил провести их наилучшим образом и, не имея денег, приобщился к римскому католицизму. Сострадательные судьи накормили его отпуском что на свободу. Тогда Шмидт решил расписаться на нотариальной грабешке. С тех пор он сидит в тюрьме вот уже 14 лет.

Джульетта Капулетти, героиня пьесы Шекспира «Ромео и Джульетта», и сегодня получает около двадцати писем ежемесячно. Молодежь многих стран, в первую очередь девушки, обращаются к ней за советом и любовных затруднениях. На эти письма отвечает Этьер Сопмани, сторож французского монастыря в Вероне, где, по преданию, похоронены прах Джульетты.

1. Правильная загадка этого первого, довольно простого друдла: НИРАБЫ. ВЫТЯНУВШИ ШЕД. Если вы ответили именно так, это значит, что у вас быстрый ум, дружелюбный характер и интерес к зоологии. Если же вы предложили другую загадку, а именно МАКАРОНИНЫ, ПОРАЖЕННЫЕ ПЛЕСЕНЬЮ, то тем самым доказали, что у вас быстрый ум, дружелюбный характер и интерес к макаронам. Ну, а если вы даже не пытаетесь расшифровать этот друдл и не согласны ни с одним из предложенных ответов, то, судя по всему, вы человек с тяжелым характером.
2. Это прекрасный друдл для начинающих. Его достоинство заключается в том, что нарисовать его можно где угодно: в ресторане, в автомобиле, в гостях — и чем угодно: соусом, тавотом, губной помадой. Наилучший ответ: ПАУК ДЕЛАЕТ СТОЛКУ.
3. НЕУПОКОЕННЫЙ КАНАТОХОДЕЦ. В перевернутом виде друдл означает уже другое: МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА С БОЛЬШИМ ВОЗДУШНЫМ ШАРОМ.
4. Если вы расшифровали этот друдл как ЧЕЛОВЕК, ИЩУЩИЙ РЕЗИНОВЫЙ ШАРИК, то вы доказали свое здоровое отношение и интерес к любви и спорту. Если же вы считаете, что тут нарисован МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК, БРОСАЮЩИЙ В ВАС ТЕНИСНЫЙ МЯЧ, то у вас явно налицо все признаки нервного переутомления и вам следует получить разряд и жить одному — где-нибудь в горах.
5. ЧЕЛОВЕК, ИГРАЮЩИЙ НА ТРОМБОНЕ В ТЕЛЕФОННОЙ БУДКЕ. Переверните друдл — и вы увидите КАРЛИКА, ИГРАЮЩЕГО НА ТРОМБОНЕ В ТЕЛЕФОННОЙ БУДКЕ. При взгляде слева этот же друдл должен быть расшифрован как: БОЛЬШОЙ ТРОМБОНИСТ В ПЕСТЕЛИ.
6. СПЯЩАЯ СОРОКОНОЖКА. Эта же тема в другой вариации: СОРОКОНОЖКИ ЗДОРОВАЮТСЯ.
7. КОМАР ПОКАЗЫВАЕТ ПОДУРЕ УМСТВО СВОЕЙ ПОСЛЕДНЕЙ РАБОТЫ.
8. ЗАСТЕЖКА-МОЛНИЯ С ОДНИМ ЗУБЦОМ. Из этого друдла ясно, что у молнии те же проблемы, что и у людей. Если вы молния, берегите свои зубы с детства, иначе будет плохо.
9. СЛОН, ПРИНИМАЮЩАЯ СОЛНЕЧНУЮ ВАННУ. Это, конечно, фантастика: слоны никогда не ложатся на спину. Они спят стоя, так как у них нет хвоста. И это к лучшему. Ведь если бы они спали в кроватках, люди свали бы их с ума, распространив с том, куда они девают похоб по ночам: кладут ли они его поверх одеяла или под него?
10. АНСТ В ГЕТРАХ.

Н. СТАРШИННОВА

* * *

Повелевает человеку век
На Север собираться, строить,
сеять.

А он не хочет уезжать на Север.
Но мало ли что хочет человек?

И он бредет навстречу ветру,
И с грустью он мечтает о тепле.
Но мало ли что надо человеку?
И все пока что надо на земле.

И дело отлагательства не терпит.
«Ты нужен позавчера», — все говорят.

И он молчит, и хмурится, и терпит.
И сам порою то же рад.

И кажется порою человеку,
Что аванта он трудом совсем не тем.
Но он не востает: виднея веку,
Каким ему насатся дед и тем.

И человек ползет по скалам диким,
Бредет по льду до дна промерзших рек,

И человек становится великим,
И делает его великим век.

Я разговорная с поэтом.
Писал в те дни он мало сам.
Не знаю, может быть, поэтому
Завидовал чужим стихам.

Он строчки каждому поэту
Тогда исправлять помогал.
Не знаю, может быть, поэтому
Стихов он много не слагал.

Он так устал от всех поэтов,
Внимая разным голосам.
Не знаю, может быть, поэтому
Ему завидовал я сам.

Братья Черных

Наметает снегом
На шоссе круги.
За машины следом
Не видать ни оги.

И черны подседлы,
И черны чердаки,
И к тебе подлетут
Братья Черных.

Оба сбегут прочно,
Широки, как нивы.
Я-то знаю точно —
Жулики они!

Тяжело ступают,
Морды их в нуту,
Варакло спускают
В аэропорту.

Возникает пьянка
Посреди зимы.
Их приятель Юшка
Вышел из тюрьмы.

Он сейчас куда-то
Дует за вилком,
Пять рублей ажмаго
В кулаке одном.

Знаешь, обманят хочет
Он тебя свилком.
Но стоду проголовет
Няным кулаком.

Сильную в доме свирном
Кривая черта дверца
И о чем ты с няня
Говоришь теперь?

В поле вьется бривка,
Снег сечет остро.
Там отец твой балас
С бандой Шкуро.

Выпрыгал напрасно ль
Шашин на челнок?
Не рубил ли ласмерть
Белых Черныхов?

Эх, соберит бы с толком
Молодежь сейчас
Да разбить ах! Только
Не зовешь ты нас...

Но порою ночью
И к тебе бегу...
Дохлае за степною
Ждать я не могу.

Говори со мной

Тянина вокзала.
Страшно бить одной...
И она сказала:
— Говори со мной!

Шорох за синиою.
Я молчу, курю...
— Говори со мною!
— Я же говорю:

Дождь стучится. Поздно.
Нас никто не ждет.
Вот последний поезд
Скорор дождает.

Темнота ночная.
Линь луна горит.
И уже не знаю,
Что и говорить.

Тихо за степною.
— Подождем зарю.
— Говори со мною!
— Я же говорю...

Начальник ПТО

Миню желтого крана монтажного
И по лесенке вьюк кошой
И вступая на джелезную колею —
Немыского, с джелезной кошой.

Распекает электрика звонко,
Чтобы кабель убрал с пути.
А сажает совок джелезничка:
Ей не более двадцати.

Тонкий луч золотит ей шею.
Бьется чюла на лбу кругом.
Чертежи и сверло с кено
И в контору иду потом.

И наводит пилу в строю
Пылают что предпринята, например?
Но уходит ее с собою
Самый главный у нас инженер.

Он ведет ее по площадке,
А я долго смотрю им вслед.
Но уходит она без оглядки.
Собрать с шлем его двадцать лет.

Много мелких дечат на стройке,
Но они для меня не то.
Если я женюсь — это только
На начальнике ПТО.

Вот стругают домент робота,
И машинаи стоят в стороне.
И пойти и ужаться куда-то
Остается сегодня мне...

Ангрн

Не очень-то влезло сюда:
В горах осталась, устремая,
И малярщина вода
И джелеза старого Тянь-Шана.

На склонах рыжио кусты
Шурмалии гледию сухими,
И выгоравшие хребты
Желтели, как от аэрихины.

Косила малярщина всех,
И выли по ночам пшквалы,
Но указатель прямо вперед
Смотрел, поставленный на скалы.

С пустых вершин пласты земли
Спустились в кшпаласы с тумалаи,
Качалась, вагонетки шля
Над головами с гулом странииим.

Танулись в проходах столбы,
Пылили старые дороги,
И протали тулые дыбы
В тумале дальние строгы.

И уходили стороной
К востоку новые споры,
И отступавшей глелииной
Мангилы и гугалы горы...

Дай бог

Дай бог, друзья, умнее стать.
Грустить и верить перестать.
Не бить о стену голышом,
Когда находит спутник твой.
Что есть в спокойствии резон:
— Не лезь напрасно на рожию!

Дай бог скорее поугинять,
Дай бог душе оманеться,
Повольствоваться тем, что есть,
В чужие горести не лезть,

Не делать, что тебе бы я просил,
Того, что мне слабый сил.
Дай бог... Но этого стыда
Со мной не будет никогда!

Всегда я буду тем, что есть...
Чем это кончается — бог вест...
И пусть, что сделать я не смог,
Доделает другой. Дай бог!

„... Души изменчивой приметы“

Любите живопись, поэты!
Лишь ей единственной дано

Души изменчивой приметы

Перенести на полотна.

Ты помини, как из

темы былого

Едва закутана в атлас,

С портрета Рокотова

снова

Смотрела Струйская на

нас?

Н. Заболоцкий. «Портрет».

В истории искусства бывають периоды, когда первенствующее значение получает один из его жанров. Так, например, в русском искусстве второй половины прошлого века преобладает бытовая живопись, во французском искусстве того же времени у импрессионистов — пейзаж. Русское искусство XVIII века — расцвет портретной живописи.

И это не случайно. До петровской эпохи искусство было теснее связано с рамками религиозных каноничеких изображений человека и событий ре-

альной действительности не было его задачей. Художник-инионионец должен был создавать идеальные, отвлеченные образы, нуждые «инионенного», замкнутого. Отныне же, в искусстве XVIII века, изучение человека, его характера, его душевных качеств становится основной задачей художников. Свое призвание они видят в утверждении человеческого достоинства современника и именно поэтому столь охотно обращаются к портретному жанру.

Портрет уже на природе своей должен содержать рассказ о человеке. Художнику надо не только верно схватить облик человека, со всеми его внешними особенностями, но и дать нечто большее — показать внутреннюю натуру изображаемого лица, иначе говоря, дать всю человека в одной его характеристической мгновении.

Давно ушли из жизни люди, портреты которых писали художники прошлого, стала музейным достояни-

ем культура того времени. Портреты для нас сейчас — безмолвные свидетели былого. Но не только свидетели. Они одухотворены побуждающей силой искусства, извечным стремлением художников проникнуть в духовный мир человека.

Федор Степанович Рокотов, знаменитый портретист XVIII века, обладал этим даром. Он инга и творил в «век Екатерины». Им создана огромная портретная галерея представителей русского общества второй половины XVIII века. Он не был придворным художником, хотя ему приписывают изобразить императрицу и ее сановников. Он не любил так называемые «парадные» портреты, его стихией был ининианный портрет.

Современники звали Рокотова «славыные живописца», любящим «дшари Юпитерова» (это слова Писанова — портрета Лавинио, Боровниковского. Но глубокое изучение этих мастеров началось лишь в советское время. И тридцати

лет, своим талантом, трудом он заслужил звание академика живописи.

Сейчас кажется странным, что до начала шашотер столетия в русском портрете XVIII века было известно очень немногое. XVIII век считался переходным периодом между древним церковным искусством и новым, светским. О большинстве живописцев того времени было довольно смутное представление. Их считали выучениками инионинских художников. «Дворнянский век» больше знали по его архитектуре, дворцам, паркам. И лишь в начале XIX века на портреты выставляли, где бы они ни собраны забытые, почерновые портреты в старом усладе. И только подлинное открытие — появилась портретная галерея, прославляющая Писанова, Рокотова, Гонцова, Лавинио, Боровниковского. Но глубокое изучение этих мастеров началось лишь в советское время. И тридцати

уже известным портретам Рокотова прибавилось более 200 подлинных и приписываемых ему произведений.

Среди созданий художника портрет Александры Петровны Струйской обращает на себя особое внимание. Изображена молодая женщина в легкой зеленовато-сером атласном платье, с золотистой шалью на плечах, с высокой прической моды 70-х годов XVIII века. Что мы знаем о ней? Вспомогательное. Гораздо больше мы знаем о ее муже, малоудачливом поэте Н. Е. Струйском, на смерть которого Державин написал шуточную эпитафию. Это сумасброд-крепостник, смещавший собственную типографию, являющийся графом и полонником живописи, друг Рокотова, которому он написал «авалейное» Писанно и андадену Рокотову». Его портрет и портрет его жены мы находим в залах Эрмитажа Струйских в их имени «Рузавина» Писановской галереи. Но что дает нам эти сведения? Гораздо важнее и интересное то, что рассказал нам о Струйской художник.

Изымая фигура молодой женщины выступает из сероватого, дымчатого полуплатья, словно из дали веков, из «тмы былого». Игитно, мерцающий свет выделает ее лицо, красную шею, плавные очертания плеч. Беленые тоны, даже не тонкие, а выходящие один в другой оттенки зеленовато-серого, золотистого и розового придают ее облику особую нежность. Задача художника — передать легкую пластичность женского лица, придать ей легкость и воздушность. Малое художником достигнуто. И победен. Он приоткрыл, но без измаштывания, строг, но без сухости. Художник нигде не позволяет кисти разойтись широко, писать густо, чтобы не огулбить образа. Кисть падает краску легко, прозрачно, так прозрачно, что словно ее слой просветляет теплые коричневатые тона подмалева, придавая тем самым изображению ощущение невесомости, а образу — удивительную хрупкость. Лишь изредка ступающаяся красна в выписанном туманом блеске жемчужной броши на груди или булавки на рукаве.

Амету губы плотно, сканого рта, лишеного традиционной в портретах того времени полуоткрытости. Удивительно ощущение привелитости и простоты юного существа. Темные живые глаза женщины смотрят ининиательно, с любовью, словно всматриваются оно в проходящих мимо зрителей, таких далеких и неведомых ей. Грация и ининиственность сияют в каждом штрихе и каждой линии.

Благородство и инининость души женщины, поэтичность, астравожность ее душевного мира, бесконечная ининиственность, изящество, привелитость и доброта — вот что видит и чувствует зритель, рассматривая этот величельный портрет.

Была ли живая модель такой, какой мы ее видим? И да и нет. Конечно, все, что изобразил Рокотов в портрете, он нашел в живой модели, недаром она так неповторимо ининиальна. Но и личное отношение художника и изображаемого мы чувствуем явно. Он позиционирует и возмущает свое героиню. И это его особенность. Рокотов среди русских живописцев едва ли не первым проник в тайны душевной жизни человека, открыл ее красоту и богатство. Недаром портреты Рокотова так удивляли современников.

Есть портреты, которые запоминаются надолго — выразительны в душе. Их очарование — в них самих. Их точечность и благородство облика не забываются. Потрясающая инининость кисти — место стронии толстовский героним «Война и мир». И при его сравнение, конечно, условно. Важно то, что прекрасный портрет ининиаль раз рождает в нас новые раздумия, вызывает множество ассоциаций. Коснувшись запечатленной на полотне чужой души, мы сами становимся духовно богаче, постигая красоту неповторимых чувств.

Мы находим строки И. Заболотоцкого о портрете Струйской. И хочется вновь и вновь вернуться — пусть даже ининиально — к портрету по-своему, чуткому субъективно:

«Без глаза — как два тумана,
Полуобладе, полулад,
Без глаза — как два обаяна,
Полуобладе, полулад».

Соединение двух взглядов,
Полуотворен, полуотпул,
Возвучи нежности припадок,
Полуотворен, полуотпул мук.

Без души нежности несутуток
И приближает мерзает.
Со да души моей героним
Их ининиальное глаза

Н. ВОЛИНА

Рей БРЕДБЕРИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

опорный ствол угарного газа консервного ножа всорол корпус ракеты, и люди, как доинда серебристые извивающиеся рыбешки, высасывались в пространство. Взрыв вышвырнул их в море мрака, а ракету, рассыпавшись в пыль, историчные рожи поточесала в неизвестное.

— Барни, Барни, где ты? Так переливаются дети, заблудившись в холодной ночи.
— Буди, Буди!
— Налитан!
— Холлис, Холлис, это я, Стюун!
— Стюун, говорит Холлис, где ты? Не знаю, как я могу знать! Я падаю, боже, я проваливаюсь, но знаю куда!...
Они падали. Как медные макушки в колодезь. Метучий удар разметел их, словно пригорющенный пяска, и теперь вместо людей остались лишь голые, непохожие один на другой, но все бесполовые и безликие, выражающие ужас или впаду покорности.

Нас разнесло в разные стороны! Так оно и было. Холлис, превращаясь на лету, был уверен в этом. Этот фант он отгнетил со смутным безразличием. Каждый мчался своим путем, и никак сил не могла объединить их. На них были гарметические скафандры, сиявие прозрачные маски которых виднелись бледные лица. И никто не успел признать, что это люди! Если бы они сделали это! Тогда можно было бы надеяться на спасение себя и других, собраться всем вместе подлитою огромной и что-нибудь придумать. Но без ракетных двигателей за спиной они носились поощошным ветром навстречу неустрашимой судьбе.

Прошло не больше десяти минут, прежде чем панический страх уступил место сполнонию. Во тьме космоса, словно на огромном приподнятом столе, плыли и разбегались невдалеке звуки, стлкаясь вширь и разбегаясь, складываясь в готовые слова.

Говорит Стюун. Вызывает Холлиса. Долго ли мы сможем подержать связь?
— Смотри с такой скоростью мы движемся.
— Что-нибудь около часа, а?
— Я полагаю, но...

Голос Холлиса прозвучал сполноию и отрешенно. Спусти минуту он спросил:
— Что произошло?
— Взорвалась ракета. Это иногда случается.

— В какую сторону ты летитишь?
— Похоже, что сюда, на Луну, а ты?
— Мою несет и Звезде. Назад и родной планете со скоростью десяти тысяч миль в час. Стюун, как слышишь...
Холлис предстал это со странной отрешенностью: будто он отделился от собственного тела и наблюдает, как оно падает и падает в черноту тьмы космоса так же сполноию как в давно уступившие зимы следил за первым снежинками.

Остальные молчали, мысленно прощая путь, который привел их и кончу, и продолжали падать в бездонность, бесшумно. Что-либо изменить, Даме налитан не подавал голоса: не было плана, не было приказа, не было спасения.

— О-о-о, как долго мне падать? Падаю и падаю, и нет кончи! — забился в изнующих голосах. — Я не хочу, не могу умереть! Я боюсь смерти! Как гаубона пропасть!...
— Кто это?
— Нет.
— Должно быть, Стимсон. Это ты, Стимсон?
— Стимсон, это я, Холлис. Ты меня слышишь? Молчание, найдая секунду которого разосила их дальше и дальше.

— Слышу... — наконец отозвался он, — Боюсь себя в руке, старина, мы все влипни одинаково.

— Я не хочу умирать, я хочу счастья!
— Дернись, нас могут разнести!
— Да, да, раздууть! — подхватил Стимсон. — Я не верю, не хочу поверить, что это все происходит с нами!

— Лунной сон, — вымещал чей-то голос, — Закрой глотку! — оборвал его Холлис.

— Иди сюда и завстаь меня замолчать! — предломи голос.
— Это Элглит. Он засмеялся с безразличием постороннего.

— Что же ты! Иди сюда, не бойся! Холлис впервые осмелился поиню безщощностью своего положения. В душе поднялась злость, большее влго на свете захотелось добраться до Элггита и завать его забучку. Много лет он сдерживал это желание, а теперь слышном позно Элггит стал всего лишь голосом в наушниках.

Падаю, падаю, падаю...
Внезапно, словно укол катастрофы лишь сейчас дошед до сознания, прозвучали замочки два голоса. Как в кошаре, Холлис увидел одного из прикивавших на лету умирующего в паре шаридом, ни на секунду не прерывая безумных воплей, от которых звенело в ушах.

Прикрыть это слышишь?

Нет, он теперь не умоливает, миллионы миль вокруг пронизаны криком, и, пока не выйдут за пределы радиосвязи, ничто не сможет говорить. Холлис протянул руку вперед, чтобы схватиться и ухватил кричащего за ногу; медленно подтягиваясь, гнул в маску лицо под него истончившееся отчаянием, но не газилось, переполняя Вселенную. Судорожно, как утопающий, он вытесил в Холлиса. — Не одно, так другое, думал Холлис, — умрет ли он от удара о Луну или в матер, заче тинуть? Железные перчатка Холлиса с силой ударили по пласу. Мадено кувыркался от толчка, тело отделилось от Холлиса.

Водороты безжизной снова охватили Холлиса и остальных, летящих вниз, вниз, вниз, словно миран Вселенной.

— Холлис, ты же слышишь меня? Холлис промолчал, чувствуя, как лицо заливают краску.

— Это снова Элглит.
— Слушаю, Элглит.
— Давай поболтаем, все равно больше нечего делать.

— Элгит болтать, — подкрикнул налитан, — надо что-то придумать.
— Налитан, Советую вам затнуться! — предломи Элглит.

— Что?
— То, что слышал. И не лезь со своим чином. Между нами десять тысяч миль, и заметив себя дурнущим, Стимсон правильно предломи: падаю как гаубона.

— Послушайка, Элглит, — это и взбунтовался. Тереть мне нечего. Ракета твоя была драная, и сам ты как налитан, так и падаешь. Ты же слышишь, тебе свернуть твое, когда грохнешись на Луну.

— Я признаываю тебе замолчать!
— Признаываю, спасибо, влезает! — голос прнее насмеяну за десять тысяч миль.

Калитан умичался!
— О чем мы говорили, Холлис? Ах, да! Тебя и твое ненавижу. Ты это знаешь. Много лет знал.

Холлис бессильно сжал кулаки.
— Я хочу тебе кое-что сказать, — не замолкая Элглит начал, — тебе что-то сказать? Ты слышишь, пять лет назад тебе провалили на выборах в правление фирмы? Сказки за это спасибо мне, ха-ха...

Рядом промелькнул метеор. Холлис глянул вниз: на месте воящей руки фонтанчик била кровь. Давление в скафандре упало. Задержав дыхание, он достнул из кармана правой руки записку на левом ленте. В скафандре снова появился воздух. Все произошло так быстро, что он не успел удивиться. Его больше ничто не удивляло. Он все плотнее затягивал записку, пока не остановилось кровотоечение. Все было проделано в волнении. Теперь Холлис прислушался к разговору. Один из членов команды, Лестер, без устали болтал о своих жене; и на Наре, и на Кипчере, и на Вере, о своем богадстве и развлекении, кутежах и азартных играх, о своей участи в жизни. Все дальше и дальше погружался он в глубины космоса, и Лестер, падая навстречу гибели, забывал в счастливые воспоминания.

Как все странно! на миллионы миль кругом просторилась Вселенная, да в самовольно прикинувшись отравистые голоса. Непроглядная тьма, но упрямые звенение радиоволны отсыпаяют людей и будит чувства.

— Ты рассердился, Холлис?
— Он не соглал; ни слова овладела отрешенностью, будто он в бетонный блок проваливался в бесконечное нинуда.

— Все жизнь ты стремили пробиться наверх, Холлис, и не понимал, зачем! — начал говорить. Это я преградил тебе путь как раз перед тем, как меня отпусти отсюда сбросились в никуда.

— Теперь это не имеет значения, — устало сказал Холлис.

— Так оно и было. Все позади. Оглядываясь назад, видишь жизнь, как фильм, промелькнувший за несколько секунд. Все заблуждение, страсти, порывы собраны вместе и ярой вспышкой отброшены на марс. Вспомни, а затем поглотит тьма, она уми, восклицанию: «Вот счастливый день, а вот плохой; вот злое лицо, а это — доброе» — так фильм раскисается лаллом, а зритель поглотит тьму, и она уми, иржани и бросил взгляд в прошлое, он сонале сб одночасию сбросились в никуда.

Неужели каждый умирает с чувством, будто он и не жил вовсе! Или жизнь в самом деле так коротка, что не успеваешь войти в нее, а она уже промчалась? А вдруг смерть является преждевременной и жидкой, как вода, и не успевает даже него изменить сейчас, когда на размещении остались синтанные часы?

— Лестер все ажалстал:
— Ум я-то вернее проводил как следует, жена не была. Мыслили, что я не успеваю войти в нее, и у всех полно денег, а мне отказа ни в чем не было. Но ты потерь и проиграл, итд — однег продал в релетку двадцать тысяч долларов!

— Что ты все равно знаешь, — подумал Холлис. — У меня ничего такого не было. Я заждавша. Тебе,

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

Леспер, когда я не смотрел в глаза смерти, я завладеваю твоему успеху у женщин и твоим кулактам. Женщины гугаги меня, а улетева в космос, я тогда без них ни о чем не представляю. Ты знаешь мои победы, твоему богатству и необузданному образу жизни, в котором ты находишь счастье. Но теперь, теперь, ты возвращаешься в пустыню, твердо знаешь, что жизнь конечна, и я больше не завладеваю тебе да тебе и меня все позади, значит, теперь не было, Холлис повернул лицо и выморошил и крикнул:

— А теперь все кончено, Леспер! Молчание.

— Скажи, что ничего у тебя не было, Леспер! — Ито эгит! — заинакис, спросил голос.

— Это я, Холлис. Подлость, это подлость! Холлис ощутил бессмысленную подлость умирания — Эпгайт узнали его, и вот он отыгрывается на другом. Эпгайт и космос раннего его, а он причиняет боль Лесперу. Зачем ты вместе с нами, Леспер? Все кончилось, значит, ничего не было, не так ли?

— Нет! — На твое событие прошло, то это равносильно, будто его не было. Ито считает, что твою жизнь прожидать лучше, чем мою? Имеет значение только то, что есть в данный момент, а чем твоё положение лучше?

— Ано лучше!

— Чест!

— У меня остались воспоминания, и все помню, все! — с негодованием возразил Леспер из гласных пространств, цепляясь за утешные плаги.

— И он прав. Сознание его правды ладным потопом промывает тело и несет его в море. У него нет памяти — это не одно и то же. У него нет памяти о том, что он жидок и рабский. У Леспера — память о свершении. Понимание разницы безжалостно сорудило Холлиса.

— Накал тебе подала от того, что прошло и не вернется? — крикнул оно. — Чем мы сейчас отличаемся?

— Я чувствую себя сплюснее, — ответил Леспер, — и навдал все и теперь не опускаюсь до подлости, как ты.

Подлость! Холлис повторил про себя это слово насколько он понимал, при жидости он никак не делал подлости. Не мог позволить себе такую роскошь. Видимая никуда, он не мог позволить всю жизнь, вырвался в таянную минуту. Подлость. Он адремался в слово. Слезла обиды понатисла по щечке. Кто-то уловил его переиротное дыхание.

— Успокойся, Холлис!

Снежино. Минуту назад он сам пытался уснопать друга. Не сомневался в неподдельности своей храбрости. Оказывалось, это не храбрость, а замедленная реакция на нервное потрясение. И теперь он пытается выключить в оставшие минуты всю индустрию, сконцентрировав в гетчине жизни.

— Я понимаю, что тебе неясно, Холлис. — Голос Леспера замирал, пробиваясь за двадцать тысяч миль. — Я на тебе не обиделся.

Но неужели мы и теперь не равны? Леспер и я. Эгит небеса! Что толку от событий, прошедших давно? На всех ждет близкая смерть. Но я думаю, не понимаю, что пытается обмануть себя. Все равно что не замечать разницы между низким человеком и трупом. Синий язык, таинственная исцеления, а в другой — холод и пустыня. Так и они с Леспером. Леспер жил полной жизнью, и это отличало его от Холлиса, который давно уже отгородился от жизни. Разные пути, разные цели и смерти, и если бы смерть имела разные формы, то они и умерли бы по-разному. Смерть, как и жизнь, должна быть неповторимо многообразной, и уж если он давно не жил, то чему ему бороться с существом?

Синюдой поэме метеоро срезал, как бритвой, правую ногу по лодыжке. Он чуть не раскиснул. Из скаффандра носка исшел воздух. Он быстрил сохнул: кровь хлестала из раны. Как забавна смерть в космосе в непроломном ирраке неизданный массивный рубит тело кусок за куском! Боскс потерять адремал от боли и не мог, его затанули винит на колени, оставили кровь и распрямился. Воздух наполнил скаффандр, и он по-прежнему лез и летел в пропасть, это было все, что оставалось ему делать.

Холлис

Холлис равнодушно кинул, обессмысленный оминданием ноца.

— Это оупаи, э, Эпгайт.

— Спешу.

— Спешала тебя и думал: все это плохо, так не следует встречать смерть. Не и чему издавать мечня на других. Ты слышишь, Холлис!

— Да.

— Я солгал тебе: я тебе не провалил на выборах. Знаю, зная ты сказал: должно быть, жогик, мы всегда ведь боролась друг против друга. Пожине, что я старое на глазах, да ведь потаную натысь. Мне стало стыдно, когда я слышал, как низко тебе подался с Леспером. Слышай, я признаю, что все себя по-дурачки, и в том, что

говоришь тебе, нет ни крупицы правды. А теперь проваливай ко всем чертям!

Холлис ощутил, как снова толчками забилось сердце и по телу разлилась теплая волна. Нарывы приходили в порядок после катастрофы, а последующие всплески страды, знобы и одиночества угасали. Слово он вынул утром из-под колодезю души и собирались присутствию и заатрупу не-ред, длинным рабочим днем.

— Спасибо, Эпгайт.

— Спасибо. Не вешай нося, Бродга!

— Эгит! — Это вмишался Стоун.

— Что случилось? — крикнул Холлис через пространство. Стоун был его хорошим другом.

— Я попал в поток метеоров и астероидов!

— Я полагаю, это мирнодонки. Каждый пять лет они проходит между Землей и Марсом. Меня занесло в самую середину. Каких только нет масштабов: форм и размеров! Слово в калейдоскопе.

— Но явни увлекать с собой, приходит лезть вместе. Черт побери, как кришно! — Он раскислся.

Холлис огляделся, но не заметил ничего. Только россыли изумрудов, сапфиров и алмазов на черном бархате Вселенной, сиянии кристалльный блеск которых пробиваются невдомому звуку. Было что-то чудесное и поразительное воображение в том, что Стоун уносился, смешиваясь с метеороидным роєм, и каждые пять лет вместе с ними будут мелькать между Марсом и Землей, и так миллиарды столетий. Стоун в бесконечной смерти, перемещаясь в инашней массе метеороидов, будет являться источником радости, по-детстве, когда он вертел длинную трубку калейдоскопа, направляя ее на солнце.

— Прощай, Холлис! — Голос Стоуна едва слышен.

— Прощай!

— Прощай, удачи! — громко крикнул Холлис, чтобы перенять разделяющие их тридцать тысяч миль.

— Врось свое шутки! — в последний раз донел голос Стоуна.

Звезды сомкнулись.

А все голоса стали замирать. Каждый уносился по своей орбите — кто и Марсу, кто еще дальше.

— Да, Холлис. — Из себя только он один возвращался на Землю.

— Прощайте.

— Дермис молодой!

— Прощай, Холлис! — Это Эпгайт.

Синие слова расставания, пронзительные напутствия. И вот расплылось то, что в могучем корпусе рыцаря, как в черепе, составляло весь корабль, огненной струей пронзавшего Вселенную. Их совместная работа лишилась смысла, и один за другим они застыли в ледяном безмолвии. Как после гибели мозга начинают отмирать илетки тела, так постепенно отмирало все, что связывало их в долгие годы полетов, чем они были до-рого друг другу. Эпгайт значит теперь не бол-е, чем оторванный палец, нет смысла презирать его, или бороться с ним. Взрыв разнес мозг норабле на великие осколки, далеко разлетевшиеся во все стороны. Голоса стихли, и космос вернулся к безмолвию. Холлис не мог их поднимать, и он да-обно эху, многократно отраженному звездными глубинами. Холлис остался один; он падал, и па-дение не имело конца. Каждый один. Капитан на пути и Луине, Стоун в гуще метеороидов, Спешуко, прагит.

Куда летит Синт, Тернер, Андрейва? Все те, кто, как ставнички калейдоскопа, так долго плел узор мыслей!

А? Что я еще могу сделать? Неужели ничем нельзя свести хотя бы малую часть излучения? Или если бы сделать хотя бы одно доброе дело, чтобы глгидить мелочность потраченных лет! Но я здесь совсем один, как и было одно нежине-ночю? Неожиданно. Заатрупа ноца я вренюсь в атмосферу Земли. Я горю, и горю. Я горю, и горю. Я горю, и горю. Я горю, и горю.

Очень мало, но лепел эще пелел, он томе нужене Земля.

Он падал стремительно. Как пуля, как камень, ные и не радостные. И только одно нежине-ночю успеть сделать что-то полезное, пусть никто об этом не узнает, неважно.

— Когда я попадаю в атмосферу, — громко ска-зал он, — в вспышку, как порох. Хотел бы я знать, заметят ли его зто?

Малыш остановился на деревянной улице и глянул вверх.

— Мама, смотри, смотри, — радостно закричал он, — звезды падают!

Сверкающая белая полоса прочтвила сумрачное небо Иллиноиса.

— Скорее загадай желание, — сказала мать.

Перевод с английского Ю. ЛЕВАШЕВ.

И ДЕДУ В ЧУВСТВУ

Внастриде все по-прежнему второй половиной XX века. Историческая линия едва распространяет вокруг себя запах хаоса. А зилое не так много разматывается знаменитым по рассказам Антона Павловича Чехова — Горюховой, Пиронкин, Дама с собакой, Пучек, Батюшка.

Вышны чиновник интендантского правления, отставной коллежский секретарь Лахматов, который любил свистеть у себя за столом и выпивая шестнадцатую рюмку, размышлять о отравле, равенстве и свободе.

Петр Петрович Лысков — идеалист, злет и служил у банкирского монитора Кунст и Ко. Он пел жеманным тенором, играл на гитарой, помадился и носил светлые брюки, а все это составляло признание, по которому идеалиста можно отличить от материалиста за десять верст.

И учитель уездного училища Лампазин, который однажды под вечер вместе с секретарем земской управы Григоровым возвращался на veselе с именин полицмейстера надзирателя Вонючкина.

И «благословитное существо» — чеховская асессорша Щукина.

— Удивительно противная баба! — процитировал кто-то из гостей, держа в руках коллегенскую эскершу. И все смеялись, вспоминая рассказ Чехова.

Ветские герои чеховских произведений между собой и — через поколения — с молодыми людьми шестидесятых годов помог хозяин леса.

Все началось год с небольшими казда, когда Худомин-парламент Миша Соколов готовился к празднованию Нового года и в раздумье — во что бы интересное одеть зилу, вдруг перное повалилось под руку. Это было обыкновенная пробка. Но если взять красный носок, еще одну пробку — поменьше, две булавочные головки — два стальных холодных глаза — карданы! Его пресвященству очень соответствовала фантура, из которой он был сделан. Потом появился иностранный материал с замкнутыми замочками и бесконечной и с над-

НОВОГОДНЯЯ МОЗАИКА

КАКОЙ ГОД НАСТУПАЕТ?

Мы встречаем 1965-й. А вот в Индия будут отмечаться сразу четыре новых года: 1887 год зры Саливаха, 2023-й — зры Викрамнатха, 2482-й — зры Джайна и 2536 год буддийского календаря. В Китае наступит 1385-й, а в Эфиопии — 1958 год. В Японии овередного монарха. С начала зры «Сева», когда японский трон занял нынешний император, прошло 36 лет. Если же считать з историческую дату, считенную «от сотворения мира», то мы должны были бы поздравить друг друга с 7473 годом.

В САМОЕ РАЗНОЕ ВРЕМЯ

Новый год в разных странах встречается в разные времена и зимой и летом. В Бирме он наступает в апреле, в самые знойные дни после тропических дождей. Виропи, прогноза при этом поддается.

Во Вьетнаме смена года празднуется ранней весной, а в Китае новогодние праздники принято отмечать в день, следующий за новолунием, когда Солнце кульмирует в созвездии Водолея.

В Сирии Новый год приходится на 1 сентября.

В большинстве стран он празднуется в ночь с 31 декабря на 1 января. Но зесто лишь 200 лет назад в Англии его отмечали 26 марта. И тогда там была проведена реформа календаря и Новый год перенесен на 1 января, произошло немало забавного: духовенство прочло близкий конец света, женщины, постаревшие сразу почти на три месяца, требовали от правительства «вернуть им молодость, а рабочие соглашались работать, требуя от хозяев платы за три искушанных месяца.

ПОЧЕМУ ИМЕННО ЕЛКА?

Зеленая, пахучая, пушистая красавица елва считается особым деревом: символом вечной жизни, мужества и бесстрашия — ведь она зимует в жару и в холоде. Обряд почитания ели особенно процветал у древних германцев. Они верили, что в этой дереве живет дух леса, охватывающий все

растения, оберегающий зверей и птиц. Впервые перед боевыми операциями собралась на совете именно у ели. Обряд почитания ели от германцев заимствовали голландцы и англичане.

В России новогоднюю елку звал «спиральным укалом Петр Первый. Он повелел украсить все дома 1 января 1700 года еловыми, сосновыми и можжевельниковыми ветвями по образцам, выставленным в Гостином дворе, и в «знак веселого друта обязательно поздравлять с Новым годом». В этот день в Москве плашки из пушек жгли на больших площадях смоланые бочки, устанавливали фейерверки.

Долгое время новогодняя елка в России была лишь достоянием богатей, и только со второй половины прошлого века она стала появляться и в жилищах бедняков.

В жарких странах отсутствующую ель заменяют колючими растениями. Во Вьетнаме, например, это ветви перисового дерева, в Японии — букеты из ветвей самбука, сосны и сливы, символизирующие стойкость, долготелетие и быстрое развитие.

письмо на ней: «Polavda». А потом...

Потом Миша где-то в глубине души почувствовал, наверное, что отнесится к этим «солончим иржушкам» серьезно. Это случилось, когда вечером он с пинцетом в руках, с разноцветными лоскутками и нитями на столе принялся за галерею чеховских персонажей.

Обыкновенная пробка оказалась благодатным материалом: она как нельзя лучше выражала самую сущность многих чеховских персонажей. Ведь недаром молевичкой ассессоры Шуклиной проваденной до бешенства Никутина кричит: «Это надитня, пробка!»

Единственная гиревя проваденная Чехова растет. Готовые эскизы гимназиста — «злого мальчишка» с его замком: «А я сейчас...! Идут своей очереди фабрикант, цыгане, купчиха. Но это уже работа на будущий год.

Н. ДМИТРИЕВА

ЕЛКА ПО-АМЕРИКАНСКИ

Одним из науки Нового года несколько сотен безработных США потянулись на центральной площади в Нью-Йорке огромную елку и украсили ее пустыми консервными банками, старыми газетами и различным тряпьем. Ровно в 12 часов в ночь с 31 декабря на 1 января безработные собрались на площади и, взявшись за руки, стали петь хором, припевая: «Доброй, милый дед-мороз! Пошли нам работу!»

ПРАЗДНИК НА КАРЕВЛЛАХ МАГЕЛЛАНА

МОЗАИКА

Приближался 1521 год. Магеллан, впервые в истории мирового мореплавания пересекший Тихий океан, и его матросы готовились к встрече Нового года. Вот что пишет об этом итальянец Пиндзетт: «Мы были обречены есть кожаные ремни, чтобы не осыпаться в эту новогоднюю ночь с голоду. Эти ремни, которые мы носили по несколько лет, так затвердели, что пришлось отказываться их в морской воде целую неделю. Затем мы изварили ремни с аргентинского съели их, запивая вином, которого, к счастью, еще немного осталось».

НА РАЗНЫХ ШИРОТАХ —

ПО-РАЗНОМУ

На земле самыми первыми Новый год встречают жители островов Фиджи. Затем восходящее солнце Нового года приветствует японцы. Стоя на коленях, они читают светлую торжественные гимны.

Месеняницы в Новый год украшают себя в свои дома живыми и бумажными цветами, устраивают ярмарки, фейерверки и бон бонго. Торжество проходит под непрекращающийся козыньный звон.

На острове Борнео к Новому году начинают готовиться за семь дней. Все эти дни бьют в бесчисленные гонги. Встречи Нового года — одновременно и праздник урожая сопровождается торжественным шествием. Жители несут всевозможные растения, произрастающие на острове.

Рисунок К. БОРИСОВА

НОВОГОДНЯЯ

РОДОСЛОВНАЯ КОНФЕТТИ

В начале XIX века у итальянцев в последние дни знаменитых римских карнавалов было принято шутливо бросать друг в друга засахаренный миндаль и орехи. В Португалии вместо сладостей разбрасывали горох. Позднее сладости заменили шариками из теста

или мела. Но они могли повредить лицо, и римская полиция запретила «опасные конфетти». В конце прошлого века владельцу одного парижского ресторана пришла в голову мысль заменить глиняной драке детских куточками из бумаги. Так появились современные конфетти.

Мореходы, совершавшие в науи Нового года путешествие с острова Саймон в Австралию, остаются без праздника. Отправлялись и тут 31 декабря, они при передаче пересекают условную границу времени — дивно перемены дат — и попадают в Австралию уже 2 января.

Седьмая олимпиада завершена

Вот и закончилось очере-
дное традиционное соревно-
вание читателей нашего
журнала — седьмая шахмат-
ная олимпиада «Смена». В
ней приняла участие триста
армия любителей атамисти-
ки ума — 24 300 человек.
Войсачество из них — учас-
тники массовых турниров
и турниров олимпиады,
по результатам которых по-
явились свыше 14 тысяч
шахматистов — разрядов.
Отклики на нашу олимпиа-
ду приходили из разных
районов страны от людей
самых различных профессий
и вкусов: нам писали
шахтеры и полирняки, студен-
ты и строители, военные и
школьники, колхозники и
педагоги, металлурги и врач-
и, воины Советской Армии
и флота. Тысячи писем в
штат олимпиады «Смена»
подтверждают, что шахмат-
ное искусство вошло в быт

мной техники шахты (Салга,
Челдыбинской области). Ан-
тоний Бульчев, капитан-ле-
тенант (Козьмодемьянск), Петр
Варченко, врач (Янгиргород,
Поволжья), Владимир Петров,
Горнозавод, инженер (Ира-
вль), офицер Военно-
Морского флота, Александр
Гончаровский, инженер (Ира-
вль), Московский области,
Александр Кокушкин, солдат,
инженер-электрик (Кафан, Ар-
хангельской ССР), Геннадий Да-
виденчик, сотрудник крайго-
трослесажника (Красноярск),
Анатоль Кокушкин, солдат,
Юрий Коновалов, рабочий-ме-
ссыщик (Алматы), Григорий
Вильямович (Москва), Ни-
колай Леонтьев, оператор ме-
теоператоров-аэрометеоро-
логов (Уфа) — Николай Марков,
преподаватель математики
и физики (Городище, Тарноско-
е село), Валентин Марков,
инженер (Саратовской области),
Николай Пархомен-
ко, студент Института на-

вигинорчу, удостоенные
оценки 17—18 баллов. При-
ехали 38 человек: А. Пшоп
(Ленинград), Д. Малков (Бу-
шев, Саратовской области),
А. Ключов (Челябинск),
Т. Гурезманов (Иркутск),
Свердловской области), А.
Кондратьев (село Выхват,
Осетия, Лысковского райо-
на, Горьковской области),
А. Давыдов (Тушина, Яро-
славской области) и другие
товарищи.

1. Знаменитый француз-
ский шахматист XVIII века
Фишгорн (1736—1795 гг.) на-
писал около триста книг, в
том числе известные нема-
лые труды по теории «фундук»
и «Колдуи».

2. Книга под названием
«Открытия шахматной игры, со-
державшая в себе описание
хорошо играть и добывать
выгоды посредством тонких
ходов, которые можно на-
зывать секретной игрой», вы-
шла в свет в 1737 году в
Париже. Ее автор — си-
рийский философ Степанна.

3. Задача русского компо-
зиции И. Шумко (1864—1937)
— Крз2, Ф11, Ле4, Кс3, Сг2,
Сд2, Фд2, Кр1, Кр2, Кр3, Кс2,
Сд3, пп. а7, с5, б3, б5, б7,
б8, б9, б10, б11, б12, б13, б14,
которая заключается в жертве
белой фигуры на ише, в от-
сечения черных фигур. За-
дача эта была выпущена в
журнале «Безымянная ша-
хматная» в 1878 году под
названием «Белая жертва
на ише». Она решается так:
1. Фд2:С2 2. Сг2:1
3. Л17 2. Дсх3.

4. По данным на 1 октября
с. г. в нашей стране было
23 шахматиста-гроссмей-
стера. У москвичей Е. Васко-
в и В. Смигалин — ав-
торские международные
мастера, минчанин А. Су-
воров — гроссмейстер
СССР, а остальные 20 явля-
ются одновременно гросс-
мейстерами СССР и между-
народными. На составлении
и в работе комиссии Ме-
ждународной шахматной
федерации почетное звание
международного гроссмей-
стера присвоено еще двум
советским мастерам — по-
москвичу В. Антошину и
саратовцу Н. Гриняну.

5. Среди сильных шахмат-
истов-инженеров-артистов
народные артисты СССР
Д. Острехин, И. Моисеев,
Я. Филер.

6. Международная шах-
матная федерация (ФИДЕ)
была создана в 1924 году в
Париже. Советский Союз
вступил в эту организацию
в 1947 году на конгрессе в
Гааге.

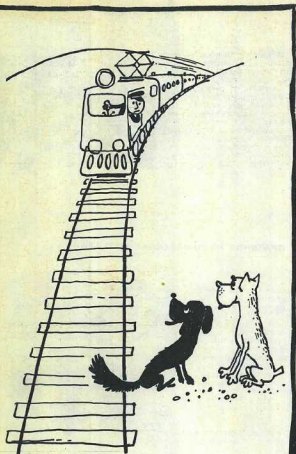
7. Из современных гросс-
мейстеров чемпионы мира
среди юношей — В. Никитин
(Югославия) — в 1951
году, В. Смирнов (Югосла-
вия) — в 1953 году, В. Слав-
ский (СССР) — в 1955 году,
У. Домбарди (США) — в 1957
году, В. Парма (Югосла-
вия) — в 1961 году.

8. Первый номер всеосоюз-
ной шахматной газеты, 644
вышел 5 июля 1935 года.

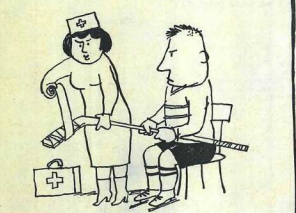
9. Из восьми претенден-
тов на шахматную королю
лучшего результата доби-
лись с наименьшим чис-
лом очков И. Петрусов
и С. Савослов гроссмейстеры
и В. Смирнов (Югосла-
вия) и Л. Портин (Венгрия).

10. На последнем Турни-
ре чемпионов в Тоси-Ан-
дреевской команде СССР играли Т.
Петрусов, И. М.
В. Смирлов, П. Керес,
Б. Спасский и Л. Штейн.

Приводим решения зада-
чи-минимум, опубликованных
в № 4 журнала «Шахматы»:
1. 1. Фd3:Лf5 2. Лbх3;
2. 1. Сf5 2. Лbх3;
3. 1. Фd3 2. Фd6 3. Фc1 4.
3. Фb4; 1...Сс2 2. Фc1 3.
Сd1 3. Фc3.

ЖЕРТВА МОДЫ.

БЕЗ СЛОВ. Рисунки Вас. ВОЛГОВА

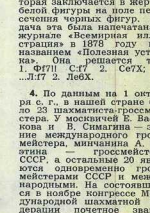
— НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ НА МИНУТКУ
УСТУПИТЬ НАМ ЭТО СТОЛ? Рисунки А. АСТРЕЦОВА

В. Гаврилов

Г. Глузарев

В. Захаров

Н. Куцеевалов Л. Спиринов В. Цицук
советских людей, стало
одним из любимых занятий
миллионов.
Юри рассмотрело мате-
риалы, представленные учас-
тниками всех четырех раз-
делов олимпиады, и опреде-
лило победителей первого
тура (решение компози-
ций) — 182, второго тура
(организация турниров) —
266, третьего тура (разбор
композиций) — 122, четвер-
того тура (винторисы) — 38
читателей журнала.
Кто же отличился в «мно-
гоборье» — по сумме ба-
ллов, набранных во всех ту-
рах олимпиады?

Прежде всего назовем
имена абсолютных победителей
седьмой шахматной
олимпиады «Смена», раз-
деловых — 1—6е места с оди-
наковым результатом в
каждом — 76 баллов из 80
возможных.
Вечеслав Гаврилов, гидро-
техник Белоусовского гид-
роузла Волго-Волга из по-
селка Бароко Новгородской
области.

Георгий Глузарев, моск-
вич, редактор фильма ком-
муниста «Правда»,
Владимир Захаров, киевля-
нин, слесарь, ударник
коммунистического труда.
Николай Куцеевалов, гор-
ный инженер шахты Крас-
ноярмейского района, До-
нецкой области.
Юсупов Спиринов (Крас-
ная военная флотия).

Владимир Цицук, колхоз-
ник колхоза имени Ильича
(село Болышево, Черномор-
ского района, Запорож-
ской области).

Юри также отмечает вы-
сокие достижения на олим-
пиаде (от 70 до 75 баллов)
группы призеров, в которую
вошли: Сабар Абадыгиев,
учитель (село Бугульдин-
но, Челябинградской области),
Валерия Баймухаметов, гор-

родного хозяйства (Иван,
Александр Петров, мастер
завода Гипромет, Александр
Рожал, рабочий районного
цеха ИТЭ, Чернышевской
области), Василий Садовский,
шахтер (Донец), Алексей
Чекушкин, инженер-геолог-
ист (Кеморо), Анатолий
Шапошников, шахтер-эко-
номист колхоза имени Дер-
жвинского (село Дьявичи,
Вордичинского района, Гер-
маньской области), Алек-
сандр Фрумин, инженер-
строитель (Июшка-Ола).

Редакция гордо под-
писывает победителей седьмой
олимпиады «Смена» и при-
меняет их специальным
дипломами, памятными зна-
чами и шахматной литерату-
рой.

Вниманию читателей пред-
лагается красочная компо-
зиция донецкого шахтера
В. Садовского, посвященная
всем участникам нашей
шахматной олимпиады.

Белые начинают и дают
мат в два хода.

ОТВЕТЫ НА ВИНТОРИНУ

(в кратком изложении)

В четвертом туре олим-
пиады приняла участие 820
любителей шахмат. Наибо-
лее правильные ответы на

А. АВЕРКИН —
послы: «Коммунизм», № 12, «Соварянка», № 12,
«Северная», № 23

С. АНОХИН, Бор. СЕМЕНОВ —
документальная повесть «Мое небо», № 20, 21

Евг. БОГАТ —
очерк «Клоу», № 4

Евг. БИРУН —
статья «Перед олимпийской подкачей», № 3

В. ГОРДЕВА, А. АГОПОВ —
очерк «Отречение Савьки-короля», № 12

Н. ГРЕХОВА —
цикл стихотворений, № 20

А. ЕФРЕМОВ —
документальные очерки «Гладиаторы неба», № 3
«Спекулянты космосом», № 7

Л. ЖУХОВИЦКИЙ —
рассказ «Летайте самолетами», № 15

В. КОРНИЛОВ —
цикл стихотворений, № 1

Н. КОНЕВ —
цикл стихотворений, № 3

Л. ЛИХОДЕЕВ —
повесть «Я — парень сознательный», № № 1—4.

Ю. МАРЦИНКИВИЧУС —
отрывки из поэмы «Кровь и пепел», № 9

А. МЕЖИРОВ —
«Кровь и пепел», перевод поэмы, № 9, стихотворение
«Неизбежность», № 4

М. МУРАЗОВ —
образок, № 5, и фоторепортаж о В. Рецетпере,
№ 13

Л. ПЕЧИКОВ —
песня «Первыми всегда», № 10

И. РАДУНСКАЯ —
научно-популярная статья «Физика перед «бе-
зумным» скачком», № 11

Г. СЕМЕНОВ —
рассказы: «Луна звенит», № 7, «Вечером, после
дождя», № 19

А. СВОБОДИН —
очерк «Девочка из книги отзывов», № 15

Д. СУХАРЕВ —
очерк «Красная трепангал», № 3

О. ТЕСЛЕР —
юмористические рисунки

В. ЮДИН —
рисунк к рассказу «Летайте самолетами», № 15

ЛУЧШИЕ МАТЕРИАЛЫ «СМЕНИ», 1964 год

А. Аверкин

А. Агопов

С. Анохин

Евг. Богат

Евг. Бирун

В. Гордева

Н. Грехова

А. Ефремов

Л. Жуховицкий

В. Корнилов

Н. Конев

Л. Лиходеев

Ю. Марцинквичус

А. Межиров

М. Муразов

Л. Печиков

И. Радунская

Бор. Семенов

Г. Семенов

А. Свободин

Д. Сухарев

О. Теслер

В. Юдин

ВЕРИТЬ
БАРОМЕТР
«СМЕНИ»

В «Смену» приходит много писем, самых различных. Они свидетельствуют о том, что читатели внимательно следят за своим журналом, по-хозяйски к нему относятся: критикуют, советуют, рекомендуют.

Особенно много откликов пришло на «Анкету «Смены», напечатанную в № 13 журнала за 1964 год.

Редакция просила читателей сообщить, какие материалы, опубликованные в «Смене», понравились и почему, какие важные темы и проблемы, по их мнению, освещаются недостаточно.

Высокую оценку читателей получила повесть Леонида Лиходеева «Я — парень сознательный», в которой речь идет о рабочем пареньке, смело и честно шагающем по жизни. Понравился читателям очерк В. Гордевой и А. Агопова «Отречение Савьки-короля».

Читатели заинтересовались фантастическая повесть американского писателя и ученого Айзека Азимова «Уродливый мальчуган» и сатирический памфлет журналиста Э. Юрьева «Финансизм на четвереньках», где в острожной форме развличаются буржуазные взгляды на мир, разбирается сущность капитализма.

Вместе с тем читатели хотят видеть в «Смене» больше очерков с яркими положительными героями, больше интересных научно-популярных статей, спортивных обзоров, разнообразной увлекательной информации.

Читатели ждуют появления в журнале новых дискуссионных материалов, остро ставящих проблемы, волнующие нашу молодежь.

Из года в год растет художественный вкус, высокая тре-

бовательность любителей прозы и поэзии. Проведенный с помощью анкеты опрос читателей еще раз подтвердил эту истину. Поэтому редакция с еще большей требовательностью будет подходить к художественным произведениям наших авторов. В новом году мы напечатает рассказы и повести В. Коженикова, Ю. Натигина, В. Аксенова, Г. Семенова, А. Гладиллина, В. Амлинского, Н. Тарасенковой, Л. Жуховицкого; стихи Я. Смелкова, Л. Мартынова, Е. Винокурова, В. Рождественского, А. Вознесенского, Р. Казаковой, В. Кострова, О. Дмитриева и других.

Читательская анкета говорит и о том, что большая популярность пользуются научно-фантастические и приключенческие повести. В новом году «Смена» предложит своим читателям повесть о поисках затонувшего лайнера — Атлантида.

Любители искусства с интересом приняли новую рубрику в «Смене» — «Галерея шедевров». В качестве экскурсовода журнал и в будущем году проведет своих читателей по залам всемирно известных музеев.

Будет продолжена публикация материалов в тольке что появившаяся рубрика «Время раскрывать тайны». Появятся и совсем новые рубрики, такие, как «Герои нашего времени», «Клуб красоты и здоровья», «Путешествие по свету».

Главный барометр, который очень точно определяет работу каждой газеты и журнала, — редакционная почта. Это барометр «Смены» — наш надежный помощник.

Редакция сердечно благодарит всех наших читателей, приславших ответы на «Анкету «Смены», все, что своими советами и пожеланиями поможет в нашей работе.

В СВОБОДНЫЕ ВЕЧЕР

В канун Нового года мне понадобилось узнать, какова будет программа праздничного вечера в ближайшем клубе. Я нашла кабинет заведующей, открыла дверь. У заведующей были гости. Видно, как-то иностранная делегация. Кто-то пролезает тот за дружбу. Потом послышался звон бокалов. Они пролезали 66 раз. И я подумала: сколько человек за столом?

Говорят, хуже всего жевать и сосать. Жать, пока освобождается заведующий, пришлось долго. То и дело я поглядывала на часы. Вспомни, кто уехал из редакции между четырьмя и пятью, а с тех пор прошло три часа, я обнаружил: стрелки часов поменялись местами: часовая осталась на месте минутной, минутная — на месте часовой. Если именно так сформулировать задачу, подумала я, можно ли определить время моего отъезда из редакции?

В коридоре у стены стояли щиты с только что, судя по свежести, еще не выкошенной краске, нарисованными плакатами. Здесь явно готовились к праздничному вечеру.

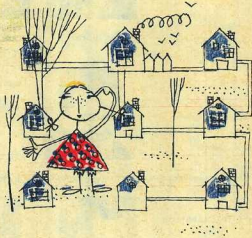
На одном из плакатов был изображен круг, разделенный кривой. Одна часть круга была заштрихована. Круг имелся так.

Под рисунком была надпись: «Какова длина границы между заштрихованной и незаштрихованной частями круга, если длина его окружности равна 10 метрам?»

На следующем плакате были нарисованы девять домиков, расположенные по квадрату.

Поскольку задачу предстояло решать в новогоднюю ночь, она была явно рассчитана на грезенников. Судя ее состояла в том, чтобы, следя по веткам елки, побывать во всех девяти домах.

И еще на одном плакате была цифра «двадять». На сей раз предлагалось расположить девять оловянных солдатиков так, чтобы они составили десять рядов по три солдатика в каждом.

Я думаю над решением. Напряженно и сосредоточенно.

В этот самый момент заглохком, проводил совет, пригласил меня в свой кабинет.

И. Б.

Рисунки В. БЛАНКМАНА

Первая страница обложки: комсорг Пушкинской фабрики елочных украшений Наталья Ивхеева и... это дедов-морозов.

Фото Ю. ЧЕРНЫШЕВА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — В 8-61-88; отдел охраны и публицистики — Д 3-31-03; международная линия — Д 3-31-50; фотолитература и спорт — Д 3-30-97; прием — Д 3-30-47; наука и техника — Д 3-31-69; информация — Д 3-31-68; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакция: К. К. Андреев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замощин, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], Р. Ф. Казанова, Б. П. Кравский [ответственный секретарь], А. С. Куликов, Е. И. Рязчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 00532. Подписано к печати 1/ХП 1964 г.
Тираж 1 200 000 экз.
Заказ № 3277. Формат бумаги 70 x 106/8.
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

СМЕШНАЯ-СМЕШНАЯ

Слова И. ШАФЕРАНА

Музыка А. ДОЛУХАНЫНА

Я к девушкам был равнодушен почти,
Причины не зная,
Да вот повстречалась одна на пути —
Смешная-смешная.
В туманную даль отплавает вокзал,
Огни путевые...
Глаза закрываю — и вижу глаза
Смешные-смешные.

И даже улыбки артисток кино
Меня не волнуют;
Не могут они заменить все равно
Смешную-смешную.
А если мне трудно, шепну в тишине
Знакомое имя...
И трудности сразу же кажутся мне
Смешными-смешными.

Я к девушкам был равнодушен почти,
Причины не зная,
Да вот повстречалась одна на пути —
Смешная-смешная.
Ее попросил бы я стать поскорей
Моею женою,
Но вдруг эта просьба покажется ей
Смешною-смешною.

Нарочито равнодушно.

К ДЕ-ВУШКАМ БЫЛ РАВ-НО-ДУШНЫМ ПОЧТИ, ПРИ-ЧИ-НЫ НЕ ЗНА-Ю, ДА
ВОТ ПОВСТРЕЧАЛАСЬ ОД-НА НА ПУ-ТИ- СМЕШНА - Я, СМЕШ-НА - Я, В ТУ-
МАН-НУ - Ю ДАЛЬ УПЛА-ВА - ЕТ ВОК-ЗАЛ, ОГ-НИ ПУ - ТЕ - ВЫ - Е ... ГЛА-
ЗА ЗАКРЫВАЮ - И ВИЖУ ГЛАЗА СМЕШ-НЫ - Е, СМЕШНЫЕ
(МЕНЕШКО НАСВУИВАТЬ)
СМЕШ-НО - Ю, СМЕШ-НО - Ю...

Составил Ф. КОРШУНОВ
г. Борисов, БССР

По горизонтали:

- Аванционный прибор.
- Вид жирафа.
- Зодиакальные созвездия.
- Латышская артистка, народная артистка СССР.
- Ивановский мир.
- Математический знак.
- Трос парашюта.
- Советский теплоход, совершавший рейсы в Антарктиду.
- Специалист сельского хозяйства.
- Река в Средней Азии.
- Государство в Центральной Америке.
- Наука о культуре и быте народа.
- Навигационный прибор.
- Расназ А. П. Чехова.
- Спортсмен.
- Порода собак.
- Украинский композитор.
- Старинное русское парусное судно.
- Река в Иранском море.
- Передающая электроинструментальная трубка.

По вертикали:

- Объединение, союз.
- Полуостров в Западной Европе.
- Стихотворная стопа.
- Река в Польше.
- Парусенные плоскости в геометрической фигуре.
- Французский поэт.
- Химический элемент, газ.
- Персонаж оперы Л. Бетховена «Фиделио».
- Действующее лицо драмы Л. Толстого «Иванов».
- Удавный музыкальный инструмент.
- Старинный балльный танец.
- Полострой.
- Ускоритель заряженных частиц.
- Инструментальная часть струнного сечения.
- Быстроходное судно.
- Рубль.
- Город в Венгрии.
- Озеро на севере Финляндии.
- Один из городов Поволжья.
- В. Гоголь «Тарас Бульба».

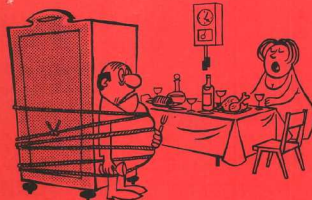
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

- Павлова.
- Бихор.
- Завол.
- Испытание.
- Загар.
- Литие.
- Марголю.
- Магна.
- Гусель.
- Шпорец.
- Вольф.
- Дорожня.
- Кюльс.
- Индия.
- Искусств.
- Сонет.
- Скоуд.
- Раданг.

По вертикали:

- Закупка.
- Электрокардиография.
- Цветаки.
- Фигаро.
- Турп.
- Узел.
- «Москва».
- Андальтемо.
- Иммельман.
- «Минорфа».
- Обуховка.
- Прелюд.
- Триглер.
- Объятка.
- Крепкин.
- Сито.
- Игон.

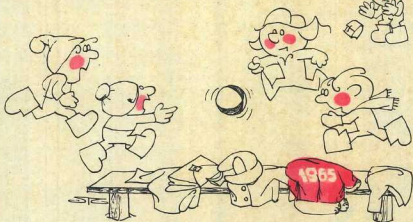
— ПОВТОРЯЮ: К СТОЛУ СЯДЕМ ВЕЗ ПЯТИ ДВЕНАДЦАТЫ

— УРА! ДЯДИ-СТРОИТЕЛИ ОСТАВИЛИ НАМ ЕЛОЧКУ!

— ТЫ ЧТО, НЕ ВИДИШЬ, ЧТО ЗДЕСЬ УЧЕ-
НИИ?

ПО ДОРОГЕ К ЛЮДЯМ...

ИНДИВИДУАЛИСТ

НОВОГОДНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ В СПОРТОВЩЕСТВЕ

СТРЕЛЬБА ПО ТАРЕЛОЧКАМ

Рисунки:

О. ТЕСЛЕРА,

Ф. САМУКАСА,

Ю. СОЛИНА

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820